

ОЛЕГ АНИКИЕНКО

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ РОМАН

КОЛЬЦЕВАЯ ЭЛЕКТРИЧКА

16+

Олег Аникиенко

Кольцевая электричка

«ЛитРес: Самиздат»

2011

Аникиенко О.

Кольцевая электричка / О. Аникиенко — «ЛитРес: Самиздат», 2011

Хотите узнать правду о жизни реального миллионера? Это лишь деньги и положение? Наверное, так. А как жить, по своей воле променяв успешную реальность на детскую мечту, непрактичную прихоть? Как пройти по лезвию бритвы и не потеряться? На все эти вопросы приходится отвечать главному герою, а вместе с ним - и читателю. И только когда они вместе садятся в электричку - один как водитель, второй как пассажир, - кольцо маршрута замыкается, образуя круг - символ бесконечности и гармонии... Двигаясь к обретению любви, дружбы и, конечно, счастья, которое не купишь даже за огромные деньги... От автора "Свергнутых богов".

© Аникиенко О., 2011

© ЛитРес: Самиздат, 2011

Содержание

«Кольцевая электричка»	6
Глава 1. Львиная сущность	7
Глава 2. Сотрудники	12
Глава 3. Призрак детской мечты	17
Глава 4. Двойник	19
Глава 5. До завтра	21
Глава 6. День перед отпуском	23
Глава 7. После обеда	29
Глава 8. Мысли возле телевизора	31
Глава 9. Катаясь по городу	35
Глава 10. Истории жизни	40
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Приключенческий роман

«Кольцевая электричка»

автор:

Олег Аникиенко

Предисловие автора

В этом романе я хотел показать, что человек зачастую сопротивляется тем событиям, которые предназначены судьбой и способны сделать его счастливым.

Что иногда только увидев себя со стороны, вы способны разобраться в себе.

Что другому бывает легче решить вашу проблему, чем вам, поскольку он не знает, что это проблема.

Что, бывает, деньги делают одиноким, поскольку изолируют только в кругу себе подобных.

Что трудности, даются не чтобы сломить, а, чтобы сделать сильнее.

И что только вырвавшись за рамки, определенные самому себе, вы способны почувствовать свободу, и лишь будучи свободными от шаблонов и стереотипов мышления, почувствовать счастье.

Не забывайте: свобода, если она есть, – она у вас в душе, а счастье придет, когда вы будете готовы его принять...

Автор

Глава 1. Львиная сущность

Человек средних лет, среднего роста, с аккуратно постриженными черными волнистыми волосами, в дорогом сером костюме, зашел в распахнутую охранником перед ним стеклянную дверь офиса.

Уверенная поступь и сосредоточенный где-то глубоко внутри себя взгляд выдавали в нем человека, постоянно принимающего важные и ответственные решения. Напряженные скулы говорили о том, что решения и контроль над их исполнением давались нелегко. Плотные сжатые губы не давали шанса случайным событиям овладеть ситуацией вопреки его воле.

Персонал офиса замер на своих местах. Офисные часы, висевшие напротив входной двери, показывали 8 часов 50 минут. Хотя рабочий день начинался только через десять минут, все уже были на своих местах.

Стоявшие сотрудники непроизвольно подтянулись, сидевшие встали со своих мест, как ученики, приветствующие учителя. Женский персонал поправил прически, мужчины одернули костюмы. На несколько бесконечно долгих мгновений тишина воцарилась в офисе, было слышно только тиканье секундной стрелки и вторящие ей шаги вошедшего.

Несколько мужчин подошли навстречу, чтобы поздороваться за руку, остальные – моложе и, по-видимому, рангом пониже – осмелились только устно поприветствовать; на них, впрочем, он не обратил внимания.

Вошедший, не замедляя шага, здоровался с окружающими, своим взглядом пронзая и сканируя их. Разговоров он ни с кем не заводил, и остальные, зная его привычку не решать рабочие вопросы на ходу, не заговаривали.

По поведению окружающих чувствовалось, что вошел не просто человек: в стеклянную дверь офиса ворвался поток энергии. Вошел безусловный лидер, и не просто лидер, а начальник, которого все уважали, побаивались и от которого зависели.

Пройдя через офисное помещение, поделенное перегородками на секции, человек вошел в открытую дверь приемной.

– Здравствуйте, Лев Николаевич, – вскочила со своего места стройная миловидная секретарша и, подбежав к двери кабинета, открыла ее.

– Здравствуйте, Марина, – сухо поздоровался начальник и вошел в кабинет.

Пройдя через помещение, он подошел к столу, на котором были аккуратно расставлены письменные принадлежности. Сев на удобное кожаное кресло, поставив локти на подлокотники из черного дерева и переплетя пальцы, он замер, глядя на часы, висевшие над дверью, через которую только что вошел.

Так у него начиналось каждое утро. Одинаково происходил анализ предстоящих на сегодня дел, настрой на рабочий процесс, менялись лишь дела и задачи, и то не значительно. День пошел по заданному и тщательно, посекундно просчитанному кругу.

Его зовут – Лев Николаевич Образцов. На этой неделе ему исполнится 43 года. И свой день рождения он готовится отметить на личной вилле на Багамских островах, где его уже неделю ждала любовница, топ-модель Нелли, не сходящая с обложек мужских журналов.

День рождения отмечался в столь узком кругу, без друзей, по той простой причине, что друзей у него не было. Были соратники, партнеры, компаньоны – кто угодно, но друзей в полном смысле этого слова не было. Отсутствовали в окружении люди, которые от него ничего не хотели и с которыми он мог расслабиться и быть самим собой. Ну, это и не странно. Лев – не стадное животное.

Он не только носил имя – Лев, он и по Зодиaku родился под знаком Льва, в первый день его прихода, хотя это было обычное совпадение: когда он родился, никто и не слышал о гороскопах.

И по характеру, и по повадкам он был «львом» во всех смыслах этого слова. Тоталитарный хищный лидер, прямо смотрящий в глаза опасности и далеко не всегда склонный к компромиссам.

Он довольно богат, хотя сам себя считал не богатым, а просто успешным, не являлся олигархом, поскольку статус олигарха определяется в первую очередь влиянием, а не только деньгами. Влияние было, но не на самом верху.

Будучи грамотным финансистом, он понимал, что те несколько десятков миллионов условных единиц, приравненных к европейской валюте, в которое оценивалось его состояние, заложенное в банк, для обеспечения оборотных средств – не придел возможностей бизнесмена, а, скажем так, очень даже посредственный результат успешного бизнеса.

Бросивший все свои силы на карьеру, потом на раскрутку бизнеса, он не создал семьи, не заведя ни львицы, ни львят. В последнее время осознавал, что ниша бизнеса, в которой работала его фирма, заполнена, что новых тенденций для развития не предвидится, а сил и времени на освоение нового не осталось. Главное – достойно отсидеться в кризис и работать последовательно, чтобы приумножить свой капитал к пенсии, на которой он сможет достойно тратить заработанное в ожидании прекращения бега по кругу, называемому жизнь.

Как и следовало ожидать, такое состояние души не внушало ему оптимизма, а материальные блага уже давно перестали радовать. Краски стали не такие яркие, машины не такие быстрые, женщины не так желанные.

Он мог позволить себе все, что желал, и от этого ему ничего не хотелось. Все, в чем он находил удовлетворение, – это самоорганизация и профессионализм выполняемой руководящей работы.

Часы показали 9 часов утра. Секундная стрелка на мгновение замерла на цифре 12 и продолжила свой бег по кругу. Когда часы показывали 9 часов 00 минут и 8 секунд, в дверь постучали.

– Войди, – великодушно разрешил Лев Николаевич. Стучаться в это время могла к нему только секретарь. О прибытии остальных посетителей она сообщала ему по внутренней связи. Его левая щека немного напряглась, он был очень пунктуален, и ему не понравилось ее опоздание, но посчитав, что 8 секунд – не столь существенная задержка, он решил обойтись в этот раз без замечания.

Марина вошла в кабинет с чашкой кофе стоящей на блюдце. Утренний кофе был его единственной вредной привычкой, но он ограничивал себя одной чашкой с утра.

Поставив чашку перед шефом, Марина раскрыла блокнот и приготовилась делать записи в ежедневнике, покрытом дорогой коричневой кожей.

– Ситуация в офисе? – задал Лев Михайлович стандартный вопрос.

– Все на работе, кроме Сидорова. Он звонил, предупредил, что задержится до обеда, так как у него дочка заболела, нужно срочно в больницу ее свозить. Остальные на месте. Просила принять по личному вопросу Харлампиева, – четко выговаривая каждое слово, произнесла Марина.

– По личному вопросу? Ко мне? Зачем? – сухо поинтересовался Лев. Только те, кто его знал очень хорошо, как, например, Марина, могли бы понять, что он очень удивился. Кстати, удивился не зря: согласно своей собственной линии поведения, он не оказывал какой-либо помощи сотрудникам. Он всегда говорил, что если кому-то помогаешь, то делаешь его слабей, а если человек хочет стать сильней, пусть помогает себе сам. Нужны деньги – сумей их зарабатывать; если не можешь, значит, они тебе не нужны, и просто урезай потребности.

– Я объясняла, что по личным вопросам вы не принимаете, но она сказала, что дело исключительной важности, – объяснила Марина.

– А Сидоров у нас что, отец-одиночка? Пусть жена дочерью занимается, за неявку на работу оштрафовать на 10% премии, внести в личное дело первое предупреждение, при вто-

ром уволить. Харлампиева пусть перед обедом зайдет, – не размыкая пальцев рук и глядя на стол перед собой, произнес Лев Николаевич. Он старался не смотреть людям в глаза, при разговоре привыкнув к тому, что от его взгляда люди начинали заикаться либо сбивались с мысли.

– Хорошо, Лев Николаевич, – ответила Марина.

– Ничего хорошего в том, что дисциплины нет и каждый приходит на работу, когда ему вздумается, я не вижу. Пусть Малахов ко мне зайдет с отчетом по польскому контракту, – распорядился босс в свойственной ему сварливой манере.

– Выполним в лучшем виде, – с наигранным пафосом ответила секретарь; ей, как бывшей любовнице, можно было иногда и съехидничать.

– Выполняй, старательно. Кофе хоть хороший сделала, молодец, – с появившейся искоркой в глазах произнес Лев Николаевич.

– Рада стараться, босс, – несколько игриво произнесла Марина. Она по-прежнему не теряла надежды, что ее начальник утратит интерес к вертихвостке-модели и они опять будут вместе, как раньше.

Когда Марина выходила из кабинета походкой никак не секретаря, а интригующей любовницы, Лев Николаевич провожал ее стройную фигуру пристальным взглядом и думал о том, что любовные романы на работе – это не непрофессионально. Его, как любого способного к воспроизводству здорового потомства мужчину, присутствие красивой женщины стимулировало и к работе, и к жизни, а как всякий занятой начальник, он не удержался, чтобы не покорить женщину, находящуюся с ним в непосредственной близости.

У них был не просто секс шефа и секретарши – у них были отношения. Вначале объясняя свое внимание к секретарю наставничеством молодого, важного для работы сотрудника, позже Лев понял, что совместные с ней обеды – это лучшее, что наполняет его дни.

Он умел красиво ухаживать за женщинами и быть внимательным. Марина ему нравилась, возникали даже мысли жениться на ней, но останавливало предположение, что в нем видят не мужчину и не личность, а обеспеченное будущее. Его это не устраивало.

Зазвонил телефон показывая внутреннюю линию зама по коммерческим вопросам Романа Малахова.

– Да, – ответил по громкой связи Лев Николаевич.

– Лев Николаевич, ты меня вызывал? Когда можно зайти? – поинтересовался глухой голос коммерческого директора.

– Сейчас заходи, – распорядился Лев.

– Понял, – коротко ответил Роман и повесил трубку.

Роман Малахов был одним из тех приближенных, которого можно было назвать рукой директора, но все же не правой, а левой, хотя Льву Николаевичу более уместным казалось применить термин «нога», поскольку фирму он представлял в виде насекомого, называемого многоножка. Только ритмично перебирая ногами, каждая из которых шла слаженно по заданному маршруту, не забегая вперед и не прыгая в стороны, многоножка могла двигаться. Любая нога была заменяема, но тогда нагрузка падала на другие ноги.

Так вот, коммерческий директор являлся одной из тех «ног», которой босс особо дорожил, причем Роман был старше его на несколько лет, и это дало повод разрешить при личной беседе обращаться к шефу на «ты».

После объявления Марины по громкой связи, что пришел Роман Андреевич, дверь распахнулась, и показался невысокого роста полненький человечек в нелепо сидящем на нем бежевом костюме и с всклокоченными редкими волосами. В руках он держал папку с бумагами.

Поздоровавшись с боссом, он без разрешения сел к столу и посмотрел преданными светло-голубыми глазами на начальника.

– Как дела по полякам, Рома? – поинтересовался Лев Николаевич.

– Все подписано со всеми внесенными нами исправлениями, оригинал сегодня с почтой получил, все в порядке, можем перегонять деньги, – глухим голосом, несколько не вяжущимся с его внешностью, ответил коммерческий директор.

– Тогда что напряженный такой? – оценивающе глядя на него, поинтересовался Лев.

– С силовиками проблемы намечаются. Комитетчики пытаются нас под свое влияние забрать, можно проверок и санкций ожидать, – вытирая пот со лба, ответил Малахов.

– Мы же под финиками, они решают наши вопросы и получают зарплаты, – несколько удивился босс.

– Начальник финансовой полиции поменялся, новый пока не в силе, я платежи прекратил, просто ждал, когда на контакт выйдут, – напряженно сообщил Роман, по-видимому, опасаясь упреков.

– Ну не переживай, грамотный ход, зачем платить за то, чего не имеешь? А комитетчики в силе сейчас? – решил поддержать зама Лев.

– Да они всегда были в силе, они кураторы, если под ними будем, то и налоговикам можно не платить, – ответил Малахов.

– Портить отношения с налоговиками ты не спеши. А с комитетчиками назначь встречу, я с ними сам побеседую, главное, цифры приготовь. Вот времена настали! Раньше бандитам платили за крышу, а сейчас силовикам – чтобы на отчетность сквозь пальцы смотрели и проверками не замучили, комитетчикам – чтобы в поставляемой продукции случайно оружие или наркотики не нашли, которых там нет. Ну что ж, иные времена, иные нравы. Главное, чтобы я до отъезда с ними встретился, желательно на нашей территории, не в ресторане где-нибудь, чтоб не думали, что мы перед ними заискиваем. Ты все документы к моему отъезду приготовил? Продержишься две недели? – остановив взгляд на нервно стиснутых пальцах зама, поинтересовался Лев.

– Куда же мы денемся, Николаич, – несколько уныло, но пытаясь придать энтузиазм голосу, произнес коммерческий директор.

– Планерку давай сейчас проведем, как и было объявлено, завтра может быть некогда, – принял решение Лев Николаевич.

– Понял, босс. Я пошел готовиться. Марине передам, чтоб через 15 минут все директора у тебя собрались, – произнес, вставая, Роман и вышел из кабинета.

Лев подошел к окну. В его кабинете было огромное окно на всю стену, точнее, вся стена была стеклянным витражом. Почему-то ему легче думалось, когда он смотрел вдаль. Для этого под свой офис он взял верхний этаж высотки. Отсюда открывался неплохой вид на город: были видны не только строения, но и лесок вдали, и даже линия электрички.

Электричка ехала по заданному маршруту, как всегда в это время.

Лев Николаевич знал, когда проезжают электропоезда на этой линии, и подходил проследить путь каждого. То, что из окна этого здания была видна железная дорога, и стало определяющим фактом в выборе офиса.

Когда Лев Николаевич смотрел на едущую электричку, в его душе просыпалась теплая и щемящая тоска по детству и не сбывшейся мечте. Он помнил, как в детстве – ему тогда было года четыре – он с еще совсем тогда молодой мамой ехал на электричке и как он ее упрашивал дать поводить поезд. В ответ на ее отказ он разразился такой истерикой, что мама, лишь бы он успокоился, принесла его на руках в кабину машиниста электропоезда, и тот, усатый общительный дядька, не прогнал их, а разрешил ехать в кабине, а когда электричка остановилась на станции, даже разрешил ему дернуть какой-то рычаг.

С тех пор у мальчика была лишь одна мечта в жизни: водить электричку. Другие мечтали быть космонавтами, пожарниками, летчиками, милиционерами, а он видел себя только машинистом электропоезда. Тогда еще не мечтали стать бандитами или миллионерами; тогда мечты были ярче, детям хотелось быть полезными для общества.

С детской мечты водить поезд по расписанию, наверное, и начала вырабатываться его привычка быть очень бережливым со временем, его патологическая пунктуальность.

Он всегда хорошо и легко учился. После окончания школы с золотой медалью, когда он собирался подать документы в железнодорожный техникум, его все высмеяли, и дед настоял на том, чтобы он поступил в экономический институт. Дед был единственный человек, чьему мнению он доверял больше, чем своему. Так был заложен путь к финансовому успеху, и так рухнула мечта.

Все остальное получилось как-то, само собой. Диплом с отличием, начало работы – с рядового экономиста на производстве. Потом академия управления, кандидатская диссертация, и все это на фоне карьерного роста и смены ведомств. Личностные характеристики, которые располагали к нему людей, последовательность в своих действиях, уважение влиятельных лиц, пунктуальность и глубокомысленность. Новая эпоха, которая позволила заработать первые реальные деньги, передел собственности и развитие западной модели экономики вынесли его на гребень успеха. То, что он сторонился власти и политики, не сделало его олигархом, но оградило от санкций и преследований.

Вроде жизнь удалась больше, чем мечтают многие. Хотя иногда он думал, что мог быть лучше. Каким был отец. Добрым, отзывчивым, благородным, улыбчивым. Отец умер, когда Льву еще не было четырех, глупо и трагически, свернув с дороги, объезжая потерявшегося щенка и врезавшись в столб.

Дед всегда пытался заменить отца, но развивал уже не доброту и порядочность, а четкость мысли и рациональность поступков, чтобы внук не повторил судьбу сына, выбрав из двух зол большее.

С возрастом ему все чаще приходилось скрываться за маской холодности и безразличия. Эта маска ограждала его от просителей. Стены, которые воздвиг он сам или образ его жизни и охрана, ограждали от обычного мира. Ему приходилось жить за забором из камня и людей, постоянно носить маску, которая постепенно прирастала к лицу и становилась частью души. Хотя осталась ли, душа за этой математикой действий и поступков? То, что она лишилась «прекрасных порывов», – это было совершенно точно.

Электричка растворилась за горизонтом. Сотрудники зайдут все сразу через две минуты, наверняка уже собрались в приемной и ожидают обозначенного шефом времени начала собрания.

Лев Николаевич прошел в примыкающий к кабинету зал для заседаний и занял свое место во главе большого овального стола.

Сев в удобное кожаное кресло, поставив локти на подлокотники из черного дерева и переплетя пальцы, он замер, глядя на часы, висевшие над дверью. Это была его излюбленная поза. Все, как всегда, шло по заданному кругу.

Глава 2. Сотрудники

Сотрудники зашли после объявления секретаря по селектору.

Заходила на первый взгляд разношерстая толпа, мужчины и женщины, различных возрастов, национальностей, цвета волос и оттенков кожи, в деловых костюмах различных фасонов и цветов. Всего семнадцать человек. Это был весь руководящий состав фирмы. Элита. Директора различных направлений деятельности фирмы, начальники отделов, топ-менеджеры, маркетологи и юристы. Кроме работы в этой фирме, их объединяла железная, практически воинская дисциплина. И отрешение от эмоций.

Лев Николаевич считал эмоции абсолютно не деловыми качествами. Лишней физиологической потребностью, чем-то вроде испражнений, которые допустимы, только когда никто этого не видит, поэтому собравшееся сообщество профессионалов не умело хмуриться и улыбаться, смеяться и кричать. Может, и умели, конечно, но где-то за стенами офиса, где это не считали слабостью и изъязном.

Все заняли свои места. Каждый положил под левую руку папку с рабочей документацией. Под правую – открытый для записей и отметок ежедневник. Все сидели, распрямив плечи и направив открытый взгляд на директора. Все знали, что сутулая спина и мутный взгляд будут оценены как непрофессионализм и отразятся в лучшем случае на премии, в худшем – на карьере.

Участники совета директоров молчали и выдерживали сканирующий взгляд председателя собрания. Перед тем, как говорить, он должен был проникнуть взглядом в мозг каждого, узнать, чем заняты его мысли, с какой ноги он встал сегодня с кровати, болеет ли у кого-нибудь теща и успела ли с утра нагуляться любимая собачка. Конечно, это был просто взгляд обычного человека, но видевшего столько людей, эмоций и настроений, что сотрудники опасались при нем даже думать о чем-нибудь, кроме работы, и чувствовать что-либо, кроме позитива.

Первое слово, конечно, имел только он – Царь, как его называли вполголоса в кругу своих семей или самых близких друзей, или Сухарь, как иногда с плохим настроением думали в гордом одиночестве на кухне у себя дома. На работе об этом опасались даже думать.

Почему сотрудники терпели такую муштру? Потому, что Лев был уверен, что лучшие результаты требуют и лучших вознаграждений; зарплата у его сотрудников была на порядок выше, чем на предприятиях конкурентов, хотя и контролируемая их фирмой доля рынка составляла порядка 70%, а конкурентам оставался мусор, 30% на всех.

– Мы собрались, чтобы вы могли изложить план ваших действий на две ближайшие недели. Графики вами были составлены, как и требовалось, с ними я уже ознакомился и теперь задам возникшие у меня вопросы, – без обращения «дамы и господа», или «товарищи», или еще какого-либо начал собрание Лев Николаевич. Он считал подобные вступительные фразы пафосными и неуместными: ведь всем и так ясно, к кому обращается: к собравшимся.

Потом Царь стал задавать вопросы. Они были глубокими, цепкими, четкими и лаконичными. Лев Николаевич считал, что много слов говорят, когда хотят запутать и утаить истину. Владеющий ситуацией человек всегда способен ответить «да» или «нет» и отделить белое от черного. Сотрудник, к которому обращались, собирался, концентрировался на ответе и тоже говорил коротко и четко. Если специалист плавал в вопросе, это сразу выходило на общее обозрение испариной на лбу, красными пятнами на шее или побелевшими губами. Когда директор был недоволен сотрудником, он обращался к нему не по имени-отчеству и даже не по фамилии, а по должности.

– Повторяю свой вопрос начальнику отдела логистики. По какой причине сроки прибытия груза вы обозначаете следующей неделей? Это может означать только ваши недоработки. Значит, вы не отслеживаете продвижение товара, который уже в среду должен быть распреде-

лен на партии, в четверг, согласно графику, отгружен в регионы, а вы мне не можете ответить, в понедельник или в пятницу ожидать его прибытие? – голос Царя был жесток и холоден, как бритва.

– Извиняюсь за неточную формулировку. Сказав, что груз прибывает на следующей неделе, я имел в виду, что прибытие партии товара мы ожидаем согласно установленному графику. Все фуры автопоезда исправны и следуют колонной без отставаний. Три раза в день производится отслеживание продвижения автомашин. Согласно графику, ожидается прибытие автопоезда до 8 утра во вторник, – покраснев от замечания и даже встав со своего места, отвечал главный логистик фирмы, молодой круглолицый кудрявый парень высокого роста в больших круглых очках.

После того, как Царь отвел от него взгляд, он понял, что директор его ответом удовлетворен, и сел на свое место, глотая воздух после произнесенной на задержке дыхания речи.

Собрание продолжалось.

– Вера Андреевна, как протекает процесс распределения товаров с центрального склада по складам регионов в ожидании новой партии? – последовал вопрос, адресованный заведующей складами, тучной рыжеволосой женщине предпенсионного возраста.

– Лев Николаевич, мы готовим партии для отгрузки в регионы по мере поступления заявок от руководителей филиалов. На данный момент заявки поступили только от 13. То есть 8 филиалов еще даже не определились с заявками, – немного подрагивающим от волнения голосом произнесла, вставая, завскладом.

– По какой причине я не в курсе? – уже не просто сухим, а режущим пространство голосом произнес Лев.

– Я написала две служебные записки в четверг вечером, на имя куратора регионов и коммерческого директора, – оправдалась завскладом.

– Коммерческий директор, почему не поставил меня в известность? – Лев пронзил взглядом Романа Малахова.

– Потому что я решил вас не беспокоить по рабочим вопросам, – ответил Роман, волосы на голове, которого от напряжения стали топорщиться еще больше. – Были предприняты все возможные меры, мы вместе с Виктором Ивановичем связались с директорами региональных филиалов и продлили срок предоставления заявок до девяти часов утра сегодняшнего дня. Задержку предоставления заявок они объясняют задержкой заявок со стороны клиентов, – изложил ситуацию Роман.

– Куратор регионов, надеюсь, переправил уже заявки на склад? Или проверяет их и задерживает отгрузку товаров? – с вызовом в голосе поинтересовался Лев Николаевич.

С места поднялся Виктор Иванович Староселец, крупный лысоватый мужчина с кубанскими усами.

– Лев Николаевич, – огорченным голосом обратился он к директору, – к девяти утра были предоставлены только 6 заявок. Они отправлены на склад для подготовки груза и параллельно проверяются сотрудниками отдела в настоящий момент. К директорам филиалов, не предоставившим вовремя заявки, а это Курманов – уфимский филиал и Вовоз – оренбургский филиал, будут приняты меры.

– А пока меры взыскания придется применить к вам, – сухо постановил Царь. – Предложения по ним готов услышать от вас самого. Насколько я помню, это не первое взыскание.

– Это второе будет. Первое было 20% премии. Думаю, в этот раз в два раза больше должно быть взыскание, – пытаюсь говорить ровным тоном, произнес Виктор Иванович.

– Пусть будет 50%, но это только в том случае, если вы до 12 часов нынешнего дня успеете предоставить оставшиеся заявки и объяснительные от директоров филиалов. В противном случае, думаю, премию вы в этом месяце не получите, – подвел итог Лев Николаевич.

Ажиотаж с распределением грузов по региональным складам возник из-за того, что требовалось освободить центральный склад для принятия новой партии товара. Все понимали, что, если в два из 21 филиала вообще не будет отправлен товар, складских площадей все равно будет достаточно для приема новой партии, но поскольку директор отдал распоряжение, а оно не было выполнено в срок и целиком, кто-то должен быть наказан в любом случае.

После расстановки всех точек на привычные им места, то есть над буквой *i*, собрание завершилось. Некоторые его участники выходили обессиленные, с таким видом, как будто их побили.

Лев Николаевич не вставал со своего кресла, ожидая, когда сотрудники освободят зал собраний.

Когда дверь закрылась, он поднял взгляд на висевшие над ней часы. Это была традиция: над всеми дверями офиса с обеих сторон висели одинаковые часы с эмблемой фирмы – циркулем, расчерчивающим глобус. После чего Лев перевел глаза на свой наручный, скромный с виду, но баснословно дорогой, швейцарский хронометр, идущий секунда в секунду с кремлевскими курантами. Удовлетворенный результатом, он, поднявшись, прошел в свой рабочий кабинет и стал у окна, пристально глядя вдаль. Как и положено в это время, показалась электричка. Она весело ехала вдаль, за новыми впечатлениями, везя своих пассажиров туда, где они будут счастливы. Машинист был профессионалом своего дела и следовал расписанию минута в минуту.

Планерка отняла более часа. Открыв свой ноутбук, Лев стал отслеживать по сети, какие документы печатают сотрудники в настоящий момент, после чего погрузился в просмотр служебной документации. Когда Лев Николаевич уходил в работу, он утрачивал связь со временем.

К действительности его вернул звук селектора.

– Лев Николаевич, к вам сотрудница Харламбиева, по личному вопросу, когда вам удобно будет ее принять? – произнес голос Марины в динамиках громкой связи.

Царь взглянул на часы: стрелки показывали без 18 минут час. Марина, зная его привычки, пригласила посетительницу из расчета, что разговор займет 15 минут, и за три минуты до обеденного перерыва директор успеет собрать бумаги и выключить компьютер.

– Пусть зайдет, – разрешил Лев Николаевич.

Незамедлительно открылась дверь, ведущая в приемную. Посетительница наверняка уже стояла, держась за ручку двери, и ждала кивка секретаря.

В проеме показалась женщина средних лет, ухоженная и хорошо сохранившаяся для своих лет шатенка. Она держала в руках зеленую пластиковую папку для бумаг. Лев сразу зацепился взглядом за папку и стал анализировать, какие документы могут быть применимы к личному вопросу, но безуспешно.

Харламбиева была рядовым бухгалтером в компании. Серьезная и дисциплинированная. Очень переживающая за результат своей работы и поэтому старающаяся избегать ответственности. Если она решилась зайти по личному вопросу к директору, наверняка вопрос был чрезвычайной важности, поскольку обычно его присутствие вызывала у нее чувство оцепенения.

– Слушаю вас, Антонина Евгеньевна, – постаравшись смягчить голос, начал разговор Царь. Он специально заговорил первым, чтоб разрядить ситуацию и в максимально сжатые сроки перейти к сути вопроса.

– Здравствуйте, Лев Николаевич, – предварительно прокашлявшись, поздоровалась она.

– Здравствуйте, Антонина Евгеньевна, – вспомнив о принятых в обществе условностях, ответил Лев.

– Вы, наверное, помните моего сына Юрочку, – заговорила Антонина. Разговор начинался, как и боялся Лев Николаевич, издавека, но Харламбиева была сотрудником, работаю-

щим в его компании с момента создания, порядка 12 лет, и имела право на некоторую мягкость с его стороны и надежду на то, что он может помнить что-то о ее семье.

– Да, он программист и женился недавно, – задумавшись на секунду, ответил директор. Он иногда ругал себя за способность помнить лишние подробности. На его взгляд, эта способность переполняла мозг ненужной информацией.

– Ну не совсем недавно, больше пяти лет уже, – поправила его бухгалтер.

– Как быстро летит время! – заметил Лев. Если бы он смог удивляться, сейчас он должен был бы испытать такую эмоцию, но от эмоций он давно отказался и теперь лишь констатировал факт.

– Да, женился, дочка у него родилась, Леночкой назвали, ей уже пятый годик сейчас, такая умница, она и петь умеет, и стихи рассказывает, актрисой мечтает стать, вот ее фотография, – произнесла Антонина Евгеньевна скороговоркой и показала заранее приготовленную фотокарточку среднего размера, достав ее из папки для бумаг.

С фото на него смотрел кудрявый смущенно улыбающийся белокурый ангел.

– Красивая у вас вырастет внучка, – сделал вывод Лев Николаевич.

После этих слов бабушка не сдержалась, и слезы покатались из немигающих глаз.

– Она может не вырасти, Лев Николаевич, – прохрипела женщина. – У нее выявили злокачественную опухоль головного мозга. Операции такой сложности делаются только в США. Точнее, делать пытаются и в других местах, но там выживают не больше 50% пациентов.

– Очень жаль, конечно. Но вы знайте, если суждено, она обязательно выживет... Против судьбы не пойдешь, – сделал вывод Лев Николаевич.

– Лев Николаевич, умоляю вас, помогите, больше не к кому обратиться. У нас нет денег на операцию в Америке, – красными глазами, полными слез, смотрела на него Анастасия Николаевна.

– Каким образом я могу вам помочь? – поинтересовался Лев.

– Мы собираем деньги на операцию, но нам очень много не хватает. Могли бы вы занять? Я обязательно отдам. Если нужно, расписку на квартиру напишу, – умоляюще произнесла Харлампиева.

– Хорошо, я дам команду в бухгалтерию, чтоб вам выдали наперед двухмесячную зарплату, – предложил директор.

– Лев Николаевич, мне нужна зарплата, не за два месяца, а за три года, – потеряв напор и прикрывая рот рукой, произнесла Антонина.

– Думаю, такой значительный аванс может негативно сказаться на вашей работе, – резюмировал Лев Николаевич и, поразмыслив мгновение, добавил: – А вы не пробовали обращаться в благотворительные фонды? Говорят, они могут помочь в таких серьезных случаях.

– Куда мы только ни обращались, везде говорят: ждите. А времени нет ждать. Смерть – она ждать не умеет, – обреченно произнесла Антонина Евгеньевна.

– Я недавно слышал про один небольшой благотворительный фонд, так там времени на рассмотрение подобных вопросов затрачивают намного меньше, чем в крупных. Я постараюсь вспомнить его название и оставлю координаты у секретаря, – сухо сообщил Лев Николаевич. Единственное, чего он сейчас боялся, – это истерики и криков.

Антонина Евгеньевна не нашла в себе сил что-либо ответить и даже поднять глаза на человека, который имел возможность и средства, но даже не попытался помочь спасти ее любимую внучку, а отговорился, отправив ее в какой-то благотворительный фонд, которого название даже не помнил.

Она встала и, понунив голову, направилась к выходу, еле передвигая ноги, скорее даже волоча их за собой. Взявшись за ручку двери, она обрела необходимое равновесие и обернулась к начальнику, с которым работала уже 12 лет и своим старательным трудом приумножала его богатство.

– Деньги должны быть средством, а не целью, – с трудом проговаривая слова, произнесла Антонина Харлампиева, пошатнувшись и судорожно схватившись за ручку.

– Да, я в курсе, – подняв на нее холодный взгляд, произнес Царь, чеканя слова.

Дверь закрылась.

Часы показывали без семи минут час. Теперь нужно было сделать один звонок и можно было ехать на обед.

– Марина, пусть машина будет готова как обычно, в час я выйду, – произнес он в селектор.

– Будет сделано, Лев Николаевич, – произнесла Марина как всегда четко, но ему показалось, что в ее голосе слегка заметно проскальзывает нота неприязни и презрения.

Записав на стикер по памяти номер телефона, название и имя руководителя фонда социальной помощи, Лев отключил ноутбук и, глядя на ровный ярко-желтый прямоугольник бумажки, подумал о судьбе.

Если допустить, что Бога нет, тогда вся эта жизнь – это тупая попытка убежать от смерти, которая тебя рано или поздно догонит. Если допустить, что Бог есть, тогда должен быть какой-то смысл жизни. Должен быть не только бег по кругу, должны происходить какие-то события, чтобы понять, для чего и как ты живешь. Чтобы вырваться из круга. Если каждое событие происходит не случайно, значит, так и должно быть. А если ребенок заболел, это что – испытание для родителей, как они перенесут потерю? Но испытания не должны ломать, они должны укреплять. Так, может быть, стоит тем, у кого есть возможность, помогать тем, у кого ее нет? Может, те, у кого все есть, и избраны сделать этот мир лучше?

Вообще Лев Николаевич всегда верил в судьбу, как ни пытался избавиться от этого пред-
рассудка.

– Вот, значит, как сказывается возраст: становишься слизняком и философом, а бег по кругу продолжается и никаких событий, открывающих смысл жизни, не происходит, – подумал Царь, вставая со своего кресла в момент, когда минутная и секундная стрелка замерли на цифре 12, а часовая на единице.

Глава 3. Призрак детской мечты

Большой черный «джип» в люксовой комплектации со скрытой под черным смокингом кузова броней, стоявший дорожке нескольких лимузинов, стоял на своем законном месте, возле выхода из офисной высотки. Охранник, с вахты проводив директора до машины, направился на свое рабочее место. Возле «джипа» шефа уже ожидал телохранитель и шофер в одном лице, Геннадий.

– Куда направляемся, Лев Николаевич? – открывая для него переднюю пассажирскую дверцу «джипа», доброжелательно поинтересовался Гена. Он знал, что ездить сзади шеф не любил.

Геной Талмаевым звался крупный парень лет тридцати, спортивного телосложения, темноволосый, со стрижкой площадкой и пугающим шрамом, пересекающим левую скулу и теряющимся на мощной шее. Этот сержант, прошедший горячие точки, был одним из немногих сотрудников, к которым Царь испытывал симпатию, хотя ни симпатия, ни безразличие у него никак не проявлялись.

– Как обычно, – ответил Лев, устранившись удобнее на сиденье из эксклюзивной кожи. Сейчас он особо повадками походил на льва, развалившегося на троне, покрытом шкурами.

Лев Николаевич считал заданный вопрос лишним, поскольку на обед ездил в одно и то же место, но решил, что сотрудник стремится достойно выполнять свои обязанности, уточняя маршрут передвижения.

«Джип» направился в сторону леска, видневшегося из окна его кабинета. Водитель всегда возил Льва Николаевича обедать в один и тот же охотничий трактир, носящий грозное название «Берлога». Причин было несколько. Во-первых, трактир располагался недалеко от офиса. Во-вторых, он располагался среди деревьев и напоминал бизнесмену о беззаботных летних каникулах в деревне у бабушки с дедушкой. В-третьих, здесь был слышен шум проезжающей рядом кольцевой электрички. Ну и, в-четвертых, в этом дорогом и закрытом месте потрясающе готовили.

Чтобы доехать до кабачка, нужно было миновать переезд. Постоянно, когда они подъезжали к переезду, шлагбаум опускался, чтобы машины пропустили электричку. Гена первое время предлагал выезжать чуть позже, дабы не стоять в пробке на шлагбауме, но Лев не соглашался. Для него это было прикосновение к мечте детства.

В этот раз шлагбаум опустился прямо перед «джипом». Впереди машин не оказалось, и Лев Николаевич был доволен, что сможет рассмотреть электричку совсем близко. Он всегда пытался разглядеть машиниста. Ему хотелось увидеть в окне того веселого усатого дядьку из его детства – может быть, тогда мечта угаснет. Хотя, конечно, это было невозможно: простые арифметические подсчеты говорили о том, что машинист из детства, если и жив, то уже лет 20 находится на заслуженной пенсии.

Перед переездом электричка всегда притормаживала из-за предстоящего поворота рельс.

И тут из окна электровоза выглянул машинист и посмотрел на сидящих в лакированном «джипе». Глаза машиниста на мгновение даже встретились с глазами Льва Николаевича.

Машинист был одет в форменную куртку. На голове была фуражка, из-под которой пробивались черные кудрявые волосы, глаза внимательные, ровный нос, плотно сжатые губы.

Электричка пронеслась, и шлагбаум поднялся, Гена надавил на педаль газа, и машина продолжила свой путь, а Лев Николаевич все еще находился в оцепенении.

То, что он увидел, не укладывалось в его сознании. Он увидел себя стоящим у окна электропоезда. Он увидел не просто человека, похожего на него. Он увидел себя. Он только что смотрел себе в глаза.

Произошедшее событие напугало Льва. Он всегда стремился усилить контроль своего сознания над действительностью, а тут у него явно начались галлюцинации.

– Наверное, это от переутомления – подумал Лев. И попытался занять свой мозг работой, но ничего не получалось: мысли все время возвращались к промелькнувшему образу.

Тут молчание нарушил Гена.

– Кстати, босс, вы не обратили случайно внимание на машиниста? Мне показалось, на вас похож сильно, – Гена украдкой поглядывал на начальника, вероятно, ожидая упреков с его стороны.

– Ты, значит, тоже это видел? Значит, это не галлюцинация? Галлюцинация ведь не может быть у двоих сразу, – озадаченно произнес Лев, после чего, подумав, скомандовал: – Гони на ближайшую станцию, нужно приехать раньше электрички.

– А как же обед? Ведь почти приехали? – огорчился Гена: он привык, что в обеденное время, пока ждал босса возле машины, всегда мог спокойно съесть свой бутерброд, заботливо приготовленный женой.

– Обед отменяется! – с юным задором ответил Царь. В нем проснулся охотник за приключениями, и его это раззадорило.

На ближайшей станции они не успели перехватить электричку – она уехала прямо перед ними. На второй станции электричка начала отъезжать, когда они уже подбежали к электровозу и вновь увидели в окне двойника.

– Вы бы поберегли себя, Лев Николаевич, – глядя на тяжело дышащего после пробежки директора, посоветовал Гена. – Может, в офис поедem? Скоро обед закончится.

– Какой офис? Гони сразу через две станции, чтоб успели наверняка! – возмущенно воскликнул Лев. Он прикоснулся к захватывающей тайне, а его пытались вновь от нее увести.

В этот раз они встретили электричку уже на станции. Гена успел выяснить, где останавливается электровоз, и две фигуры в деловых костюмах и темных очках стояли на перроне, как нечто чуждое, из иной реальности, и вглядывались в приближающийся состав.

Когда электричка остановилась, Лев увидел, что на него смотрит он сам, удивленно моргая глазами. Лев Николаевич по природе своей был лидер и поэтому, несмотря на удивление, взял ситуацию под свой контроль.

– Уважаемый, а можно к вам подняться? – поинтересовался он, глядя себе в глаза.

– Да конечно, – последовал ответ с высоты кабины, и дверь в электровоз открылась.

– Езжай в депо, на конечные эти электрички, и жди меня там. Позвонишь в офис, предупредишь, что меня сегодня не будет, и пусть не беспокоят. Если что изменится, я тебя наберу, – оглянувшись на Гену, распорядился Царь, взялся за поручни и поднялся по лесенке в кабину машиниста.

Глава 4. Двойник

В кабине его встретили удивленные взгляды двоих людей. Первый – худощавый парнишка, по виду чуть старше двадцати лет, белобрысый, в форме, широковатой для его субтильной фигуры, и второй – очень похожий на Льва мужчина. Точнее, его полная копия, кроме прически, которая была у него намного пышней, и волос, казалось, меньше вился.

– Ну что, двойник, будем знакомиться?! Меня зовут Лев Николаевич Образцов, мне 43 года, не женат, судимостей не имею, – придя в себя после непродолжительной паузы и пытаясь улыбаться и говорить непринужденно, произнес Лев и протянул раскрытую ладонь для рукопожатия.

Двойник пожал протянутую руку. Ладонь у него была цепкая и жесткая, это понравилось Льву.

– Меня Жора зовут, Боротайко, – неуверенным тоном произнес двойник. Голос у него был грубее, чем у Льва, и какой-то хрипловатый.

– Куришь, наверное, много? Или что с голосом? – поинтересовался Лев.

– Курю, но голос вроде всегда такой был, – оправдывающимся тоном объяснил Жора.

– А сколько тебе лет, Жора? – спросил Лев.

– Осенью 39 будет, – ответил Жора.

– Не бережешь ты себя, Жора, на 43 выглядишь, надо тебе бросать курить, – как всегда в лоб сделал заключение Царь.

– Да я собираюсь, но, как говорится, сила есть, воля есть, силы воли нет, – пошутил Жора, разводя руками, и добавил: – А я думал, у меня галлюцинации, когда себя в «джипе» увидел.

– Не поверишь, но я тоже так подумал, – сухо согласился Лев.

Он оглядывал кабину машиниста, и к нему возвращалась способность непредвзято мыслить. Его мозг уже осознал возможность чуда и смирился с ней. Устремив оценивающий взгляд на молодого парня, кивнул и поинтересовался: – А это помощник твой?

– Да, он скоро сам машинистом будет, как экзамен сдаст, уже все умеет, способный парень, его Коля зовут, – представил помощника Жора.

– Будем знакомы, Николай, меня Лев зовут, Николаевич, кстати, – пожав помощнику руку, представился Царь.

– А мы и роста одного, – приблизившись почти вплотную, сделал заключение осмелевший Жора.

– А давай померяемся, – предложил Лев Николаевич, – а Коля посмотрит, одного мы роста или нет.

– Давайте, – охотно согласился Жора.

Они стали плечом к плечу, подтянулись и выжидающе замерли, глядя на Колю. Помощник машиниста внимательно оглядел их.

– Жорик выше сантиметра на 4, – ткнув пальцем в сторону Жоры, сделал он заключение.

– Не выше, а длинней, – холодным голосом констатировал Лев; потом, поняв, что строить здесь никого не надо, попытался улыбнуться. Правда, мускулы лица отвыкли от этой формы проявления эмоций, и улыбка получилась очень натянутая, скорей ее можно было назвать гримасой.

Улыбнулся он вовремя. Машинисты расценили его поправку как шутку и весело заулыбались.

– Да просто у меня обувь с каблуком выше вашего, – объяснил Жора, оглядывая свою форменную обувь и легкие итальянские туфли Льва Николаевича.

– Вообще да. Тебе это пару сантиметров роста добавляет, – согласился Лев.

К действительности их вернул голос диспетчера по громкой связи:

– Седьмой, по какой причине создаешь отставание от графика, задерживая отправление?

– Производился техосмотр приборов и механизмов, уже отправляемся, график нагону, – подбежав к микрофону, ответил Жора, после чего электричка тронулась.

– Вам придется с нами проехаться, Лев Николаевич, раньше следующей станции я вас не смогу высадить, у нас все по расписанию, – объяснил свою поспешность Жора.

– Без проблем, – легко согласился Лев и добавил: – Знал бы ты, как я об этом всегда мечтал.

– Покататься на электричке? – уточнил Жора с недоверием: по-видимому, он принял это заявление за сарказм.

– Ну, вроде того, – решил не вдаваться в подробности Лев.

За последние минуты он испытал столько эмоций, сколько раньше не испытывал и за год. Несмотря на абсурдность ситуации, ему было хорошо и комфортно с этими людьми, в это время и в этом месте, и ни о чем другом ему думать не хотелось.

– Жора, а ты поучи меня водить электричку, – неожиданно попросил он.

– Хорошо. Смотрите, первым делом покажу, как действует тормозная система, – с ходу начал Жора обучение нового помощника машиниста.

Электричка набирала скорость, уменьшая отставание от графика.

Глава 5. До завтра

Обучаться вождению электрички было очень интересно. Если сразу что-то не запоминалось, Жора терпеливо повторял и показывал. Лев стремился быть достойным учеником. Без всяких технических навыков ему было, конечно, тяжело вникнуть в суть механических процессов, но его пытливый ум пытался одолеть мыслью упрямые железки.

Незаметно пролетел световой день. Электричка передвигалась от станции к станции согласно расписанию, минута в минуту, и эта пунктуальность наполняла Льва удовлетворением и счастьем. Господина Образцова не оставляло ощущение, что наконец он осознал смысл жизни.

Человек, который был похож на него больше, чем он сам, свободный от догм и стереотипов, простой в общении и улыбчивый, наполнял его позитивом и энергией. Поэтому ему не хотелось с ним расставаться, когда, уже в полночь, электричка заканчивала свой бег по кругу, и Лев вызвал машину к конечной станции. Но поехал он не домой, а к депо.

Жора вышел в светлой футболке и потертых синих джинсах. Сев в машину на заднее сиденье, где уже расположился Лев, он осмотрел салон и сделал вывод:

– А вы крутой, я таких машин даже по телевизору не видел. Ваша или служебная? – поинтересовался он.

– Служебная, – совершенно честно ответил Лев. Он не стал уточнять, что компания, в которой он «служит», принадлежит ему.

– Вы, наверно, большой чиновник, – сделал вывод Жора.

– Нет, я обычный бизнесмен. Видишь, мы даже друг о друге ничего толком не узнали. Ну, ничего страшного, найдем возможность побеседовать. Ты, кстати, как работаешь? – задал вопрос Лев.

– Я две смены через два дня работаю. Сегодня вторая, так что завтра и послезавтра я отдыхаю, – с нескрываемой радостью ответил Жора.

– Везет тебе, половина месяца выходных получается, – искренне поразился Лев.

– Ну, у нас смена с шести утра, до 12 часов ночи, так что первый выходной отсыпается, – пояснил Жора.

– Так ты давай завтра отсыпайся, а вечером я пришлю за тобой машину, и мы с тобой поужинаем в ресторане и пообщаемся, а то послезавтра с утра у меня самолет, и я улечу в отпуск на две недели, – предложил Лев.

– Хорошо, я, как пионер, всегда готов, – добродушно согласился Жора.

– Кстати, познакомься: это мой водитель Гена. Надежный человек. Я не хочу афишировать, что у меня есть двойник, но за ним информация, как за каменной стеной, – представил Гену новому пассажиру машины Лев.

– Привет, – поздоровался за руку с водителем Жора.

– Здравствуйте, Лев Николаевич, – чинно пожал руку Гена.

– Это я Лев Николаевич, а он Жора, – поправил водителя босс.

– Я понял, шучу просто. Действительно очень похож, – сделал вывод Гена.

– Говори, куда ехать, мы тебя до дома довезем, – сказал Лев, и машина поехала.

Жора жил в общежитии при депо. Сюда и подъехал «джип».

– А ты говорил – в депо пошел работать сразу после армии? – поинтересовался Лев.

– Да, сразу после армии, как сапоги снял, – подтвердил Жора.

– А что на квартиру не заработал? – прямо, как обычно, спросил Лев.

– Заработал, но, когда я с женой разошелся, там она и сын остались жить. Но это долгая история, – вздохнув, ответил Жора.

– Ну хорошо, двойник. Отсыпайся – и до завтра, – крепко пожал ему руку Лев.

– До завтра, – улыбнувшись, простился Жора и, выйдя из машины, аккуратно прикрыл дверцу.

– Давай, Геннадий, домой, и не забудь в бухгалтерии отметить часы переработки, – вместо благодарности за сверхурочную работу поощрил водителя Лев Николаевич. – Думаю, из-за срыва вечернего графика обойдемся без утренней пробежки.

Глава 6. День перед отпуском

Утро ничем не удивило. Секундные стрелки с той же размеренностью обегали круги по циферблатам часов. Люди все так же с переменным успехом пытались вписаться в эти круги, иногда опаздывая на целые минуты.

Единственное, что изменилось со вчерашнего утра, – это появилось желание поспать подольше. Обычно Лев не ложился позже 10 часов вечера, а вчера его тело достигло кровати и мгновенно уснуло только в 12 минут третьего ночи.

Заходил куратор регионов Староселец, отчитался в том, что заявки с регионов были вчера собраны до 12 часов, в ответ на что Царь ему сообщил, что в таком случае, если не будет больше накладок, Староселец еще может рассчитывать на 50%-ную премию.

Раздался звонок по внутренней связи.

– Лев Николаевич, сотрудница Харлампиева не вышла сегодня на работу. Звонила ее сноха и сообщила, что вчера, вернувшись домой, она почувствовала себя плохо, и ее отвезли в больницу, – сообщила Марина.

– Пусть не забудет предоставить подтверждающий документ из больницы, иначе будем вынуждены отметить ей дни болезни как прогулы, – спокойно ответил Лев Николаевич и поинтересовался: – А телефон центра ты ей вчера дала?

– Я ей говорила, чтобы она зашла за контактами, но она в течение рабочего времени не зашла. Сказала, что во всяких фондах была и толку никакого, – отчитался голос Марины.

– Ясно, напомни ей еще раз, как появится, – распорядился Царь.

– Слушаюсь, Лев Николаевич, – ответила Марина металлическим тоном. По-видимому, ей тоже казалась бессмысленной передача телефонов, и она осуждала шефа за черствость.

После этого день потек по проверенному сценарию. Приближалось время обеда. Встреч на обеденное время назначено ни с кем не было, но почему-то не хотелось есть в одиночестве.

Взглянув на часы, директор подошел к окну.

Электричка бежала по кольцу. Лев подумал, что все транспортные средства оставляют за собой следы, и только железнодорожные составы едут по заранее проложенным путям.

Сегодня электричка вызывала не чувство тоски по беззаботному детству, а восторг от прикосновения к мечте. Лев понимал, что только вчера впервые в жизни он был по-настоящему счастлив, и это заставляло его задуматься о смысле жизни.

Ему вспомнились слова песни из старого советского мюзикла: «Все ищут ответа, где главный идеал? Пока ответа нету, копите капитал». Вот и смысл его жизни свелся к заработку денег по одной причине – из страха зависеть от денег. Но он понял одно: когда у него появились большие деньги, они захватили власть над его жизнью, временем и мыслями. Теперь он стал их рабом, он жил, чтоб они плодились и приумножались. Ну а как еще жить, он не знал. Было поздно менять порядок вещей. Сейчас, управляя финансами, он хотя бы чувствовал себя нужным, хотя, конечно, осознавал, что, если его не будет, мир не станет хуже и деньги легко найдут себе другого раба, эфемерным блеском внушив, что он хозяин жизни.

Подойдя к селектору, Лев нажал вызов кабинета коммерческого директора, но длинные гудки дали понять, что Малахова там нет.

Ноздри Царя расширились: он не терпел, когда не отвечают на его звонки и когда сотрудники не на рабочем месте.

Едва он нажал сброс, раздался звонок из приемной.

– Лев Николаевич, коммерческий директор полчаса назад уехал в таможенное управление, будет только к 16.00, – увидев, что директор пытается связаться с сотрудником Малаховым, опередила вопрос Марина.

– Ясно, значит, на обед его можно не ждать, – задумчиво произнес Лев, продумывая, с кем еще из сотрудников можно пообедать. Первого зама не хотелось приглашать: у того, почему-то кусок в горло не лез, когда они сидели за одним столом. Остальных сотрудников тоже звать не хотелось, все равно дальше отчета о проделанной работе, разговор не пойдет.

– Можно не ждать, – резюмировала Марина и добавила: – Если вам не с кем пообедать, Лев Николаевич, я охотно составлю вам компанию, как в старые добрые времена.

Лев вспомнил, как не так давно ухаживал за секретаршей. Вначале это были совместные обеды, после добавились еще и ужины. Хотя почему бы нет? Марина отличалась незаурядным умом, эрудицией и разносторонностью. Тем более, что она была его надежными глазами и ушами в фирме.

– Хорошо, давай пообедаем, – согласился Лев.

– Благодарю вас за благосклонность, господин Царь, – съехидничала Марина.

– Ты мне давай там не юродствуй, – сурово, но беззлобно осек ее Лев. Секретарша знала, что ей такое будет прощено. Он иногда думал: может, зря порвал с Мариной, она бы была ему достойной спутницей жизни, но, как ни странно, хотелось чувств, а не расчета хотя бы в личной жизни. Всю жизнь он занимался тем, что контролировал свои чувства и эмоции, а тут с возрастом почувствовал себя в этом обделенным.

– Так куда вы меня пригласите, Лев Николаевич? – непринужденно поинтересовалась секретарь.

– А где ты мне заказываешь столик на каждый обед, в том числе на сегодняшний? – вопросом на вопрос ответил Лев. Он всегда недоумевал, когда люди задавали вопросы, на которые сами могли дать ответы, но женщине это можно было простить и списать на кокетство.

– В «Берлоге», – ответила секретарь. Даже когда она говорила спокойным тоном, Лев чувствовал исходящую от нее какую-то сексуальную порочность. Может, просто это была его реакция на красивую, но бывшую любовницу.

– Ну, вот и собирайся, будь готова через 15 минут и водителя предупреди, – распорядился директор.

– Я всегда готова, господин директор, – томным голосом Мэрилин Монро ответила секретарша и отключила связь.

«Надо подумать над тем, чтоб заменить Марину. Ее поведение выбивает меня из колеи. Ведь знал, что непрофессионально крутить романы с сотрудницами. Все эта нехватка времени виновата!» – вздохнув, решил директор.

Пятнадцать минут пролетели быстро. Когда Лев с Мариной подходил к машине, заднюю дверцу ему, как всегда, открыл Гена в идеально выглаженной рубашке и с помятым от недосыпания лицом.

Лев, как истинный джентльмен, пропустил в салон Марину, а сам, обойдя машину с другой стороны, сел рядом.

– Как всегда, Гена, – обозначил направление Лев Николаевич, и машина плавно тронулась.

Когда «джип» подъехал к переезду, машина оказалась третьей от шлагбаума. Лев Николаевич по привычке вглядывался в окна проходящего электропоезда, уже не зная, кого он больше стремится увидеть: бородатого машиниста из своего детства или человека, который жил жизнью, о которой он сам когда-то мечтал.

Жора сегодня отдыхал, бородач тоже не собрался потряхнуть стариной и повести электричку, поэтому окна ее показались пустыми глазницами, устремленными вдаль, да и посмотреть в них удалось совсем недолго, поскольку стоящие впереди машины закрывали обзор.

Шлагбаум, перекрывающий проезд, начал подниматься задолго до приближения «джипа»: охрана закрытого комплекса «Берлога» привыкла к тому, что по времени приезда этой машины можно было сверять часы.

От места парковки «джипа» пассажирам требовалось прогуляться по аллее до обеденного зала. Это было сделано намеренно, для улучшения здоровья и аппетита посетителей. Вообще весь дизайн и интерьер были продуманы в расчете на очень богатых гостей. Начать стоит с того, что трактир находился в сосновом бору. Аллея была выложена гладким натуральным камнем, специально привезенным из Европы. В небольших фонтанчиках со стеклянной стенкой со стороны, на которую устремлялся взгляд прогуливающегося посетителя, плескалась форель.

Цветы, высаженные причудливыми узорами, обрамляли аллею по бокам яркой каймой. Кроме трактира, в этом комплексе были домики с банями и бильярдными столами, где можно было заночевать и отдохнуть телом и душой, некоторые – даже со своими тренажерными залами и зимними садами. Также здесь имелся бильярдный клуб, в котором можно было сыграть партию с профессионалом высочайшего уровня. Был массажный салон, именно для оздоровления тела. Конечно, без всяких проституток, люди такого ранга никогда не позволили бы себе быть замеченными в месте, где присутствует продажная любовь. У этих людей и так хватало любви, конечно, больше не к ним, а к их деньгам.

Это было заведение высочайшего уровня.

– А знаете, Лев Николаевич, я навсегда запомнила ваши слова. Я тогда первый раз обедала здесь и задала вопрос, в чем необходимость платить такие большие деньги за обед – ведь можно было пообедать значительно дешевле и так же качественно. А вы, Лев Николаевич, тогда ответили: «Понимаешь, Мариночка, я плачу за положительные эмоции в первую очередь. Здесь все продумано, чтобы радовать, чтобы не столкнуться с агрессивно настроенным человеком даже взглядом. Чтобы не увидеть, как люди конфликтуют, даже со стороны. Ведь если получишь негативный эмоциональный заряд, от него тяжело избавиться иногда в течение нескольких дней. А если человек расстроен, взволнован или раздражен, окружающая действительность уже не будет подстраиваться под его желания. Поэтому людям, у которых есть такая финансовая возможность, приходится прятаться от обывателей за высокие заборы, толстые стены и тонированные стекла надежных, а, следовательно, дорогих автомобилей. И это трактир – одно из мест, где можно спрятать свою истерзанную житейскими буднями душу».

– Да, я так говорил. Для этого я сюда и езжу, – согласился Лев.

– Поэтому ты, Лев, и душу свою прячешь за стены холодности и величия, из страха, что тебя в нее ранят? Поэтому и меня приручил, а потом, испугавшись, что тоже влюбишься и станешь зависимым, мою любовь оттолкнул? – с горечью проглотив ком, подступивший к горлу, спросила Марина.

– Ты же знаешь, Марина, что я не обсуждаю свои чувства и эмоции, мне это неинтересно, – опасаясь, что Марина опять начнет выяснять отношения, попытался пресечь этот разговор Лев.

– А мои чувства и эмоции ты готов обсуждать? – злобно поинтересовалась Марина.

– Нет. Это тоже не вызовет радости и настроя на позитив, – отрезал Царь. – Я же тебе сказал: я понял, что отношусь к тебе, как к младшей сестренке, ты мне очень дорога и близка.

– Но это не мешало тебе со мной спать почти год и бросить ради какой-то дистрофичной модели, – усмехнулась Марина.

– Не год, а восемь месяцев и 12 дней, – как всегда дотошно к цифрам уточнил Лев.

– Ну да, конечно, еще часы и минуты не забудь посчитать, секунды можешь округлить – зло засмеялась Марина. Казалось, она поняла, что перегнула палку, и пытается разрядить ситуацию. Глубоко вздохнув, она добавила: – Все, ладно, забыли.

– Ну и хорошо, а то я думал, что сам ввел эмоции в эти стены спокойствия, – довольный, что ситуация разрядилась, с облегчением проговорил Царь, глядя как швейцар в белых перчатках отворяет перед ними дверь.

Их прогулка по аллее завершилась у огромных дубовых дверей трактира, легко открывающихся при приближении.

Обеденные залы делились на зимний и летний. Зимой клиентов приглашали обедать в зимний зал, который отличался большими окнами, радужными красками интерьера и камином.

Летом клиенты, уставшие от жары и яркого солнца, попадая в обеденный зал, окунались в прохладу и приглушенный свет. Освещение было распределено так, что, зайдя с улицы, не видно было высокого потолка, он терялся в сумраке, и только когда глаза привыкали к темноте, можно было рассмотреть мощные деревянные стропила и перекрытия, впрочем, ничего не поддерживающие, а предназначенные только для сохранения стиля немецких замков средних веков. Интерьер был соответствующий: мощная деревянная мебель и каменные полы из тщательно, до миллиметров подогнанных булыжников правильной формы. Окна были небольшие, но с массивными дубовыми рамами. Узорчатые матовые стекла пропускали приглушенный свет, но не позволяли увидеть, что происходит за стенами помещения.

Все в интерьере говорило о надежности и незыблемости, наверное, и это было психологически просчитано для посетителей, чтобы утвердить их в мысли, что их положение первых лиц в обществе непоколебимо.

Вечерами под сводами потолков загорались массивные люстры с множеством мелких лампочек, стилизованных под свечи.

Вышколенный и подтянутый персонал, перед тем, как предстать пред глазами высокопоставленных клиентов, по слухам, обучался в Англии.

Возле любимого столика Льва Николаевича уже ждал постоянно обслуживающий его официант с гордым именем Мирон, по выправке больше напоминающий сержанта из роты почетного караула.

– Здравствуйте, Лев Николаевич, добрый день, Марина Евгеньевна! – в глазах Мирона читалась радость и преданность англичанина, увидевшего своего короля и королеву. Раньше психологи говорили, что нужно улыбаться, сейчас они, изучив эзотерику, поняли, что нужно улыбаться не просто губами, а излучать симпатию и радость всем биополем, и начали учить этому. Губы при этом могут оставаться аскетично сжатыми.

– Здравствуй, Мирон. Значит, мне здоровья желаешь, а Марине просто доброго дня? – без тени улыбки поинтересовался Лев, но Мирон был приучен к сухому английскому юмору, поэтому ответил не только с достоинством, но и с незаметной иронией.

– Руководителю высокого ранга здоровье никогда не помешает, ведь он думает и переживает за нас, простых смертных. А вашей прекрасной спутнице нельзя пожелать ничего, кроме добра и счастья, – не растерялся Мирон.

– Ты, Мирон, как всегда, по-английски рассудителен и учтив, – одобрил его Царь.

– Благодарю вас, сэр, – вежливо поклонился Мирон и поинтересовался у гостей, успевших занять места на удобных кожаных диванах: – Разрешите подавать ланч?

– Да Мирон, конечно, – доброжелательно кивнув, произнес Лев Николаевич.

Мирон чинно удалился неспешной походкой. В трактире берегли время своих клиентов, поэтому все было просчитано и выверено по минутам. Спешит, как известно, только тот, кто опаздывает, а здесь все шло своим чередом.

Мирон, только направившись в сторону бара, слегка кивнул – и двое официантов рангом ниже направились к клиентам с подносами, на которых лежали приборы для гостей и влажные полотенца, чтоб освежить руки. Дойдя до бара, Мирон взял бутылку баснословно дорогого красного вина и направился к столику уже в сопровождении еще двоих официантов, несущих блюдо со стоящими на нем салатами и нарезкой из фруктов и поднос, на котором стояли две тарелки, заполненные солянкой.

Пока официанты расставляли тарелки, Мирон налил в фужер вина: он знал, что Лев Николаевич всегда за обедом выпивает 50 грамм полусладкого красного вина для увеличения гемоглобина в крови. После этого он элегантно вытер бутылку белоснежной салфеткой, перекинутой через левую руку, и замер возле стола. Когда, поставив тарелки и блюдо, официанты отошли, словно ниоткуда опять возникла первая пара официантов, принесся бокалы, стеклянный графин с клюквенным морсом и хлебное ассорти – красиво разложенные ломтики белого, серого и черного хлеба.

– Приятного Вам аппетита, глубокоуважаемые гости! – этими словами Мирон подвел итог предобеденному парад, после чего с поклоном удалился.

– Тебе не надоело годами есть в одном месте одну и ту же еду? – поинтересовалась Марина, которая окончательно перешла на «ты», оставшись наедине с бывшим любовником.

– Ну, я же иногда меняю вторые блюда, а солянка мне нравится, в ней есть все необходимые питательные вещества и микроэлементы, и нигде в мире не готовят такую вкусную солянку. Похожую только моя покойная бабушка делала, но тогда я был совсем молодой. Тем более, я что, не имею права на постоянство? – удивленно вскинув брови, ответил Лев.

– Имеешь, конечно, но ты не думал, что каждый сегодняшний день проживаешь, как вчерашний, а завтрашний проживешь, как сегодняшний? – с несвойственной ей эмоциональностью поинтересовалась Марина.

– Думал, конечно, но как мне еще жить? Почему я должен есть суп, например, из курицы и думать о том, что суп из морепродуктов мне нравится больше? Почему я не могу прожить завтрашний день, как сегодняшний, если сегодняшний меня вполне устраивает? А изменения в жизни происходят только для того, чтобы убедиться, что в жизни все, что нравится, ты нашел, и изменения могут сделать действительность только хуже. Вот завтра я буду сидеть на своей вилле на Багамах и думать о том, что мне не хватает этой солянки и что суп там хуже, если там вообще супы будут.

– А вдруг он будет лучше? Тебе не хочется верить в чудо? – продолжала задавать вопросы Марина.

– Чудес не бывает, с возрастом и ты это поймешь, детка, – ласково начал Лев, но резко осекся, вспомнив вчерашнюю встречу, и, изменив тон, добавил: – Ну, или почти не бывает.

– Так все же бывают!? Ну, тогда прогресс налицо! – звонко рассмеялась Марина. – И где же ты чудеса увидел, господин Образцов?

– Ты чудо, разве непонятно? – попытался перевести все в шутку Лев Николаевич.

– Но отдыхать на Багамы ты летишь не со мной, – погрустнев, ответила Марина.

– Марин, ну не начинай опять, – металлические нотки проскользнули в голосе Царя.

– Слушаюсь, Лев Николаевич! – пряча взгляд, ответила секретарь.

Обед дальше протекал в тишине, если не считать негромкой музыки играющего на сцене саксофона. По вечерам музыкальная программа была намного более разнообразна. Выступал вокально-инструментальный ансамбль, исполняющий музыку в стиле а-ля «Самоцветы» и композиции «Биттлз».

Солянка была, как всегда, превосходна. Впрочем, как и салаты, как и хлеб – всегда только утренней выпечки.

На второе подали форель, жаренную на гриле, с овощами на гарнир. Лев Николаевич был гурман, он всегда остро чувствовал вкусы, но, тем не менее, никогда не жертвовал питательностью и полезностью пищи.

– Опять рыба? – улыбнулась Марина. – Куда же ты все умнеешь, Лев Николаевич?

– Мы то, что мы едим. Мой основной рабочий инструмент – это мозг, поэтому мне необходимо следить, чтобы он безукоризненно работал. Для этого его нужно питать полезной пищей, а не чем попало, – как всегда глубокомысленно заметил Лев Николаевич. – Тем более, что мы состоим из того, что едим и пьем.

– А знаешь, мне бы хотелось посмотреть на тебя, состоящего из водки и макарон: может быть, тогда ты стал бы проще? Не таким безукоризненным образцом Образцовым и более счастливым, – задумчиво глядя на шефа, произнесла секретарь.

– Все может быть, – согласился Лев, лениво поедая кусочки форели и овощей.

Закончили обед, как всегда, без четверти два. Возле заведенного «джипа» с работающим кондиционером их уже ждал верный Гена, который перекусил бутербродом, заботливо завернутым женой.

Как всегда, без трех минут два «джип» уже был у офиса: этого времени всегда хватало, чтоб подняться на лифте на верхний этаж здания и войти в кабинет за несколько секунд до двух часов.

Глава 7. После обеда

Зайдя в кабинет, Лев Николаевич, как всегда, приблизился к окну. Через 4 с половиной минуты появится электричка. Кстати, он не знал, куда направляется этот электропоезд. Почему-то только сегодня он задумался об этом. Он не знал направления ни одной из электричек, за которыми наблюдал годами. Почему-то никогда ему это не было интересно. Был интересен только сам процесс движения. Движение в прекрасную даль. Туда, где беззаботное детство, молодая мама, особенно вкусные конфеты и добрый дядька-машинист.

Электропоезд показался без опозданий, по расписанию, и продолжил свой разбег с целью спрятаться за лес.

– Надо матери позвонить, узнать, как она там, как ее дела и здоровье. Третий день что-то все некогда. Хотя, если бы были проблемы, мне бы сообщили, а раз не звонят, значит, все нормально, – подумал Лев.

В голове крутились слова Марины. Может быть, действительно, если бы он стал проще, мир начал бы видаться в иных красках? Надо будет попробовать. Но легко сказать «надо меняться», а измениться намного сложнее.

В принципе, все дела были доделаны. Осталось только внести окончательные коррективы – и можно ехать домой. Хотя морально очень тяжело отправиться домой раньше 18.00. Сложно вырваться за рамки привычек.

– Надо что-то решить по последним штрихам в предстоящей работе, – думал Лев. Нужно уточнить у первого зама, который в штатном расписании назывался «исполнительный директор», все ли поставленные задачи ему ясны, и потом можно будет попробовать изменить свои привычки и уехать с работы пораньше.

– Первого зама ко мне, – произнес Лев Николаевич, нажав кнопку селектора.

– Лев Николаевич, исполнительный директор Смирнов ожидает в приемной, – раздалось в селекторе.

– Пусть заходит, – не спеша подойдя к столу и сев в кресло, ответил Царь. Аркаша, видно, опять возле Марины крутился, раз оказалось, что он в приемной. Лев давно заметил неравнодушие первого зама к секретарше.

В дверь кабинета зашел парень лет тридцати, спортивного телосложения, с русыми волосами, несколько длинными для его должности, как считал Лев, но не столь длинными, чтоб делать ему замечание.

Исполнительный директор, подойдя ко Льву Николаевичу, поздоровался с ним за руку и замер в ожидании.

– Присаживайся, Аркадий Юрьевич, – милостиво предложил Царь. Смирнов был выпускником суворовского училища, и, хотя он не продолжил воинскую карьеру, военная выправка в нем осталась.

Смирнов сел напротив директора и посмотрел на него прямым взглядом. Аркадий начал свою карьеру у него еще шесть лет назад, сразу после института. Лев смог в нем рассмотреть потенциал, реализовав который, Смирнов смог стать его правой рукой. Несмотря на вторую по значимости в фирме должность, после его собственной, Лев дистанцировал зама от себя, чтобы тот не потерял своей воинской выправки и четкости в линии поведения.

– Завтра с утра у меня самолет: я улетаю в отпуск на две недели. Приказ о твоём праве первой подписи готов, но все ключевые вопросы ты сможешь согласовывать со мной по телефону. Сейчас пригласил тебя, чтобы вкратце пробежаться по стратегии работы на это время, – сообщил заму директор.

– Слушаю вас, Лев Николаевич. Хотя вы зря беспокоитесь, все идет по согласованному с вами графику, которого мы будем досконально придерживаться, – приятным тембром успокоил директора сотрудник Смирнов.

– Я не беспокоюсь, а проверяю вашу компетентность в важных для фирмы вопросах, – поправил Лев исполнительного директора, после чего начал обсуждать интересные его нюансы.

Лев иногда думал о том, что Аркадий с его напором, смелостью и жадностью, свойственной его натуре, смог бы составить серьезную угрозу бизнесу, если бы он возглавил фирму конкурента. Но поскольку в их бизнесе были важны оборотные средства, а низкая рентабельность не всегда позволяла использовать банковские займы, можно было не опасаться, что Аркадий создаст фирму-конкурента. А чтобы у него не появилось желания возглавить уже имеющуюся на рынке компанию, босс просто создал ему такие финансовые условия, которые конкуренты не могли себе позволить.

– Давай теперь последний раз повтори схему перегона денег полякам, – дотошно потребовал Лев Николаевич, желая убедиться, что исполнительный директор владеет ситуацией всецело.

– Конечно, Лев Николаевич, как скажете, – согласился Аркадий. – Когда наши представители в Польше проверяют груз и подтверждают его качество и количество, я вкладываю подписанный вами чек на 7 миллионов 483 тысячи евро, проставляя в нем дополнительно только дату платежа. Этим мы оплачиваем товар, после чего груз опечатывается таможей по ТИРУ и отправляется по адресу нашей фирмы. К вашему приезду груз уже будет на центральном складе, готовый к распределению по регионам.

– Сотовый у меня будет включен постоянно. По любым вопросам звони, если что-то особо важное, не смотри на разницу во времени. Я всегда должен быть в курсе работы фирмы, – удобно расположившись в кресле руководителя и заняв свою любимую позу, то есть переплетя пальцы рук и поднеся их к подбородку, произнес Лев Николаевич.

– Не переживайте, Лев Николаевич, все будет сделано как надо, – заверил руководителя зам.

– Хорошо, Аркадий, я верю в твою компетентность и профессионализм, – обнадежил исполнительного директора Царь. – Можешь идти и приступать к исполнению обязанностей директора.

После ухода первого зама Лев подошел к окну. Как всегда, в это время, вдалеке ехала электричка, прокладывая своим маршрутом линию, устремленную за горизонт.

Увидев электропоезд, Лев подумал, что надо было взять телефон Жоры. Хорошо бы сейчас позвонить и узнать, как у него дела. Жора казался ему очень близким, поскольку помог прикоснуться к мечте.

Не так часто Лев встречал людей, которые могли ему что-то дать, не прося ничего взамен. Хотя они ведь еще не особо знакомы. Пообщаются, потом Жорик, как все прошлые друзья, попросит займы и не отдаст, или еще какой помощи попросит, а у Льва появится неприятное чувство, что его используют, и он отдалит от себя человека.

Но сегодня можно устроить себе праздник в канун дня рождения.

Глава 8. Мысли возле телевизора

Лев, одетый в мохнатый белый халат, взлохматив влажные после душа волосы, вышел на балкон своей квартиры на верхнем этаже сталинской высотки. Он любил открывающийся отсюда вид на город и всегда с жадностью дышал воздухом, менее загазованным и от этого более сладким.

Квартира была четырехкомнатная, но не очень большая по площади. Это был сознательный выбор Льва Николаевича: в очень большой квартире с огромными комнатами он бы чувствовал себя более одиноким. Да и зачем? Деловые встречи у себя дома он не назначал, а друзей, тех, которых можно было привести сюда, не было. А ему и его периодически меняющимся любовницам, по идее, хватило бы и одной комнаты с большой кроватью; таковой являлась спальня.

Основной комнатой была гостиная, плавно переходящая в кухню. Третья комната была переоборудована под тренажерный зал: Лев, несмотря на то, что три раза в неделю ходил в бассейн, еще находил время заниматься на тренажерах. В четвертой комнате размещался кабинет: даже дома Лев Николаевич находил над чем поработать.

В не очень большом уютном жилье ему было не так одиноко.

Да, несмотря на свое завидное материальное положение, он был одинок. Хотя, может быть, он и привык к этому состоянию, и оно даже стало частью его души.

Раздался телефонный звонок. Взяв в руки мобильный, Лев увидел, что звонит Гена.

– Да, слушаю тебя, – ответил на звонок Лев.

– Лев Николаевич, я заехал за Жорой, отвез его к вашему парикмахеру, его заканчивают стричь, и мы выезжаем за вами, – доложил Гена и добавил: – Поначалу еле его нашел, пришлось ждать, когда в общежитии появится.

– А что на мобильный ему не позвонил? – удивился Лев Николаевич.

– У него нет мобильного, – пояснил Гена.

– Давай купи ему по дороге какую-нибудь трубку простую, чтоб на связи был, – распорядился Царь.

– Сделаем, Лев Николаевич, – принял приказ Гена.

– Через сколько подъедете? – поинтересовался господин Образцов.

– Трудно сказать, Лев Николаевич, движение перегружено, если пробок не будет, то от 40 минут до часу, – виноватым голосом доложил Гена: он знал, как шеф не любит такие округления в 20 минут.

– Ясно, – недовольно нахмурил брови Лев и распорядился: – Как будешь подъезжать, минут за десять позвонишь.

– Слушаюсь, Лев Николаевич, – доброжелательно пробасил Гена, обрадованный тем, что шеф не начал корить его за неконкретность.

– Значит, через час, – сказал сам себе Лев, продумывая, чем ему лучше заняться в это время.

Обычно, когда ему называли время от и до, Лев ориентировался на большее, поскольку ждать категорически не умел: он предпочитал чтоб его ждали.

Мысли крутились вокруг работы. Было непривычно осознавать, что ему нечего делать.

– Надо учиться переключаться, тем более решил сегодня расслабиться и отвлечься, – сказал Лев, обращаясь к своему отражению в огромном трюмо.

Взяв пульт, лежавший на специально отведенной для этого тумбочке, Лев Николаевич включил домашний кинотеатр, занимавший почти всю стену, и лег на объемный белый кожаный диван. Лев имел слабость к классическим цветам и вообще считал, что существуют три

цвета: белый, черный и красный, а все остальные – это их различные оттенки, созданные для разнообразия.

Почти все вещи в его квартире были либо большие, либо огромные. Почему-то он не любил маленькие вещи и вообще не любил мелочи. Его с детства удивляло, когда кто-либо приходил в восторг от функционально ненужной безделушки. В его понимании, вещь должна быть крупная, добротная, сделанная на века. Наверное, по этому отношению можно было определить его характер максималиста.

На экране забегали огромные футболисты в белой и желтой форме. Лев с некоторой настороженностью относился к футболу, ему казалось, что эта игра трудно поддавалась анализу, и посему наблюдать за этим процессом ему было сложно. Еще ему было жалко тратить время на отслеживание действий, смысл которых он не до конца понимал. Глядя на игру, Лев часто вспоминал старый фильм про старика Хоттабыча, который считал, что если двадцать человек хотят играть с мячом, то, чтобы было интересней, нужно каждому раздать по мячу, а не всем бегать за одним.

На другом канале шли новости. Послушав без энтузиазма о тех кошмарах, что творятся в мире, Лев задумался, для чего вообще запугивают людей стихийными бедствиями и всевозможными болезнями. Если человек запуган, им, очевидно, легче управлять. В советские времена не знали про землетрясение где-нибудь в Южной Америке, в результате которого погибло четыре буйвола, – и ничего. Родовались, что план выполнили, и не боялись за завтрашний день. А сейчас расскажут про террористов в метро – и люди нагнетают себя страхом за свою жизнь и за жизнь близких и от этого ходят нервные и злые. Элементарно: запретили бы говорить о терактах – и сам смысл терактов пропал бы. Ведь от падения во сне с кровати в мире погибает в год больше людей, чем от укусов змей и, тем более, от терактов – и ничего, люди не боятся спать. Задача у террористов не в том, чтобы убить десяток человек; цель – посеять страх в обществе. Если общество изолировать от возможности бояться, то террористам не будет никакой необходимости устраивать теракты. Почему так устроена человеческая психика, что гибель сотен людей в авиакатастрофе быстро забывается, хотя каждый ведь мог лететь этим рейсом, а вот взрыв какой-нибудь женщины-шахидки в метро, унесший жизнь десятка людей, пугает больше, поскольку люди привыкли мириться с судьбой и приучены бояться друг друга.

На третьем по счету канале шли мультфильмы. Яркие чудовища неправильной формы с выпученными глазами метались, выясняя какие-то свои чудовищные вопросы. Интересно, чему могут научить мультфильмы, в которых один хороший урод дубасит палкой по голове второго плохого урода?

На следующем канале шел старый фильм «Человек с бульвара Капуцинов». Хорошая картина, которая показывала, что доброе искусство может сделать человека лучше, но, если он сам этого захочет. И если он последователен в своих желаниях.

Лев решил посмотреть этот фильм, хотя давно знал его наизусть. Старое кино вызывало какие-то добрые вибрации в душе.

Понаблюдав за войной ковбоев и индейцев за право посмотреть «фильму», Лев решил, что достаточно отдохнул после водных процедур и уже подошло время собираться. На душе было тепло оттого, что, несмотря на такую ожесточенную перестрелку и взрывы динамита, никто в фильме не погиб. Если бы так еще и в жизни бывало.

Тренажерный зал выполнял одновременно функции гардеробной. Лев по привычке открыл шкаф с костюмами и задумался. Пожалуй, он будет смотреться нелепо в костюме рядом с Жорой, одетым в джинсы. Наверняка есть смысл одеться проще. Он не так часто надевал джинсы, но они у него были, и, конечно, не одни. В основном для загородных поездок, но и для выхода в любое демократичное кафе тоже сойдут, ведь он решил попытаться стать проще.

К черным джинсам он подобрал белую рубашку с длинным рукавом, одну из тех, что он надевал с костюмом. Очень долго сомневался, но потом все же решил: обул туфли, поскольку

ему неудобно было одеваться совсем не классически, да и другой подходящей, по его мнению, обуви не было. Не надевать же кроссовки, в которых он ходил на тренировки.

Определившись с одеждой, бросил взгляд на стоящие в углу чемоданы, заблаговременно собранные его домработницей согласно списку, составленному Мариной под его диктовку. Хотя вещи, которые, как он думал, она могла перепутать, Лев все же отложил сам. Самолет завтра рано утром. Лев решил по прибытии в Париж встретиться со своим старым деловым партнером Жаном Ла Форте, с которым они еще лет 12 назад начинали налаживать поставки элитной одежды в Россию и со временем создали довольно известную сеть бутиков. Позже Лев продал свою долю, чтобы основать нынешний самостоятельный бизнес.

Льву всегда нравились добродушие и доброжелательность Жака. Завтра будет приятно провести время на водах Сены. На какой-нибудь барже, переделанной под ресторанчик. А потом Жан отвезет его в аэропорт, и он полетит ночным рейсом через Атлантику.

Кстати, надо ему позвонить. Жан человек занятой и может забыть о его приезде. На мобильном телефоне Льва был всегда включен золотой неограниченный тариф: он знал, что, лишившись связи можно потерять больше, чем экономя на звонках.

– Hello Jan, – Лев всегда общался с Жаном на английском: Жан очень плохо говорил по-русски, а Льву совершенно не давался французский язык.

– Привет, Леф, – с французским акцентом поздоровался Жан; это была его дань уважения – поздороваться с товарищем на родном ему языке.

– Ты не забыл о моем завтрашнем приезде? – по-английски продолжил беседу Лев. Английским разговорным языком он владел довольно свободно, но говорил именно на британском, а не на американском варианте.

– Что ты, Лион, как я мог! Я уже месяц готовлюсь к твоему приезду. Вкусный ужин, изысканные вина и две модели из моего агентства для компании ждут твоего визита. А как я жду, ты не представляешь. У меня есть новый проект, куда я приглашу тебя партнером, – перешел Жан на язык международного общения, на котором, впрочем, он тоже говорил с французским «прононсом».

– Думаю, девушки будут лишними: не так много у нас времени на общение, а еще им внимание надо будет оказывать, – рассудительно сказал Лев.

– Нет-нет, Лион, женское общество не бывает лишним, – как истинный француз, ответил Жан. – Для них вниманием будет уже само присутствие в нашей компании.

– Хорошо, Жан, ты организуешь встречу, тебе и карты в руки, – перевел на английский язык русскую поговорку Лев.

– Я сделаю все, чтобы Париж встретил тебя незабываемым вечером, – пообещал Жан.

– Заранее благодарю, Жан, завтра я еще раз позвоню перед отлетом, – резюмировал разговор Лев.

– Не надо заранее и не надо потом, для меня честь встречать такого дорогого мне гостя! – влил в разговор еще одну дозу вежливости Жан.

– Удачи, Жан, – попрощался Лев.

– До встречи, Лион, – ответил ему Жан, завершая разговор.

Хотя они давно общались, друзьями, наверное, все же не были. По большей части из-за той холодности в общении, к которой приучил себя Лев. Эта холодность была ему удобна для построения партнерских отношений, но лишала дружеской симпатии.

Лев еще думал о разговоре и о словах Жана, о новом финансовом проекте, что за проект и будет ли он ему интересен, как трубка в руке зазвонила классическим звонком аналогового телефона. Лев никогда бы не позволил себе поставить на телефон мелодию песни. Для него это было верхом легкомыслия. Собственно, и телефон не отличался излишними функциями.

Звонил Гена.

– Говори, – ответил Лев на звонок.

– Лев Николаевич, мы подъезжаем, – сообщил Гена.

– Выхожу, – сказал Лев. Он знал, что Гена не подъезжает, а уже стоит у подъезда. Гена никогда бы не решился на то, чтобы шеф ждал его на улице. Более того, он сейчас уже поднимается, чтоб проверить безопасность подъезда, и будет ждать Льва Николаевича возле входной двери. Хотя и нарушить команду позвонить за 10 минут до приезда он не мог.

Лев не спеша начал надевать приготовленные вещи.

Глава 9. Катаясь по городу

– Здравствуйте, Лев Николаевич, – поздоровался стоящий на площадке подъезда Гена.

– И ты здравствуй, Геннадий, еще раз, – приветствовал его шеф и усмехнулся. – Ты опять инстинкт телохранителя включил.

– А как же, Лев Николаевич, я не могу подвергать вашу безопасность риску, хотя я уже говорил, что для должного контроля вам необходимы еще минимум трое телохранителей, – пожал плечами профессионал, удивляясь, как такой высокопоставленный человек может так халатно относиться к своей жизни.

– Ну прямо, Гена, мы с тобой и сами как-нибудь отобьемся, если что, – пошутил Лев. У него было очень хорошее настроение, он пошутил два раза подряд.

– Тогда носите бронежилет и пистолет. Недостаточно одного вашего умения пользоваться оружием, если у вас его не будет в случае необходимости, – с надеждой в голосе попросил Гена.

– Мне твоего снаряжения достаточно будет. Вон соседа, Мортелецкого, несмотря на шестерых охранников, при выходе из ресторана взорвали. Охрана только от хулиганов помогает. Жить надо так, чтобы никто тебя не хотел убить. Ладно, хватит о вечном, – сменил тон Лев. – Жору забрал?

– Так точно. Ждет в машине, постригли, стал вообще вашей полной копией, единственное – пришлось ему немного волосы завивать – сказал Гена, нажимая на кнопку лифта, который открылся сразу, поскольку еще не уехал с этажа. – Я поехал вниз, вы считаете до 25 и вызываете лифт.

– Я в курсе, – ответил Лев, согласно кивая. В принципе, он старался не мешать Гене выполнять свои профессиональные обязанности телохранителя, главное, чтобы они не сильно его отвлекали.

Он уважал Гену за безоговорочное следование своим должностным обязанностям. Если бы Гена шел у него на поводу и оставался в машине, Лев бы его заменил, как заменил предыдущего телохранителя чуть больше двух лет назад.

Лев начал считать, как только заработали моторы лифта. Он знал, что Гена доезжает до второго этажа, а потом спускается пешком, чтоб проверить, есть ли кто-нибудь на нижних пролетах. Так было прописано в инструкции агентства телохранителей, к которому принадлежал Гена. Если бы Гена заболел и не смог выйти на работу, ему всегда бы нашли замену, и Лев Николаевич не остался бы без телохранителя и водителя. Также Гена обязан был вызывать подмогу даже просто из-за появившегося тревожного предчувствия, а не только из-за возможной опасности жизни клиента.

По идее, в этот дом постороннему было очень сложно зайти. Служба безопасности насчитывала на каждой смене не менее 4 автоматчиков, не считая руководство и наблюдателей, а также двоих снайперов, контролирующих прилегающие к дому территории. Вахтер СБ созванивался с квартирой, в которую направлялся посетитель, и только если кто-то из хозяев подтверждал, что готов принять гостя, сотрудник службы безопасности провожал его до дверей квартиры и ждал, когда он зайдет.

Досчитав до 25, Лев нажал вызов лифта; в это время Гена еще не доехал до третьего этажа, и первый вызов, принятый в ожидание, был его. Гена в свое время провел немало времени со службой безопасности дома, чтоб просчитать графики спуска и подъема. Также эсбэшники сообщали Гене обо всех ремонтных работах с механизмами лифта, чтобы он знал, когда стоит заново проверить точность графиков.

Выйдя из лифта, Лев направился к выходу следом за Геной, кивнув в ответ на приветствие вахтера. Двое автоматчиков, стоящих возле парадной двери, встрепенулись и вытянулись по стойке смирно. В охранную службу этого дома набирали только профессиональных воен-

ных, прошедших службу в спецподразделениях. Один из них открыл дверь, второй вышел на улицу, чтобы контролировать безопасность выхода жильца из дома.

Согласно договору жильцов со службой безопасности, все руководство СБ и все работники, находящиеся на смене, подвергались уголовной ответственности за халатность в случае возникновения угрозы жизни жильца в доме или на его территории. В этом доме жили очень высокопоставленные лица, члены правительства, верховной палаты парламента, топ-менеджеры транснациональных компаний и крупных холдингов, то есть те, кого нельзя назвать олигархами или министрами, но лица, приближенные к ним.

Были среди жильцов и крупные бизнесмены, как Лев Николаевич, но только не имевшие криминального прошлого и с кристально чистой репутацией.

Улица встретила красными отблесками заходящего солнца и легким дыханием прохлады надвигающихся сумерек.

– Здравствуй, Жора, – садясь в машину и протягивая руку своему близнецу, поздоровался Лев. Он снова заметил, как поразительно они похожи с Жорой.

Сегодня Жора, по-видимому, старался выглядеть солиднее: он надел форменные брюки и темную рубашку в мелкую белую крапинку. В такую духоту это был мужественный поступок.

– Здравствуйте, Лев Николаевич, – отодвигаясь подальше, поздоровался Жора и пожал протянутую ладонь двумя руками.

– Хочу я позвать тебя, Жора, покушать в каком-нибудь хорошем месте, где я ни разу не был. Можешь что-нибудь подсказать? – как всегда рассудительно поинтересовался Лев.

– Могу, конечно. В нашу деповскую столовку, вы там точно не были, – широко улыбаясь, предложил машинист.

– Идея хорошая. Но сегодня на вечер я экстрим не планировал, – вежливо отказался Лев. – Нужно место, где мы сможем посидеть, как простые граждане.

– Я по ресторанам и кафе не хожу, Лев Николаевич, так что подсказчик из меня не выйдет, – пожал плечами Жора.

– А какую кухню хотите попробовать? – поинтересовался Гена.

– Желательно чего-нибудь необычного, – задумавшись на мгновение, ответил Лев.

– Японская кафешка есть хорошая недалеко, – предложил Гена.

– Нет, я сегодня не настроен есть сырую рыбу, – решил Лев.

– Тогда могу предложить кафе «Уйгурка», недавно открылось, там уйгурская и дунганская кухня. Это народности на севере Китая, у них много овощей используется, и мясо тонко очень режут замороженное, потом готовят. Овощи на открытом огне жарят. Интересные вкусы, – поделился Гена.

– Интересные – это одно, а вкусные? – осторожно поинтересовался Лев.

– Да, очень. Главное, пища здоровая, нет лишних жиров и калорий, – как истинный спортсмен, охарактеризовал рацион Гена.

– Гусениц и тараканов не жарят? – задал беспокоивший его вопрос Жора.

– Такого нет, – уверил их Гена.

– Тогда поехали, – решил за всех Лев Николаевич.

«Джип» рыкнул, заводя свой многолитровый двигатель, и тронулся, посапывая сотнями лошадок.

Дорога по городу пролегала без лишних пробок, поскольку час пик уже закончился. Для Жоры панорама родного города была необычно нова, поскольку он впервые видел ее сквозь тонированные стекла дорогого «джипа», вдыхая смесь хвойного освежителя воздуха, хорошо сочетавшегося с запахом кожаного салона и особо уместного в прохладе климат-контроля.

Поездка протекала в непринужденной беседе. Выяснилось, что оба выросли в соседних районах и ходили в школы, постоянно соперничавшие на олимпиадах по математике.

– А ты вообще, как учился? – интересовался Лев Николаевич.

– Я вообще-то легко учился, но мне неинтересно было. У меня такая учительница была в начальных классах, что, как я перешел в пятый класс и у нас стал не один учитель по всем предметам, а на каждый предмет свой преподаватель, я со своей первой учительницей даже не здоровался, – поделился Жора.

– А почему? – удивился Лев.

– Да что я! Почти весь наш класс делал вид, что ее не знает. Она только орать могла. Нервная, дерганая и неграмотная. Объясняла только доске, а чем в это время класс занимается, ей безразлично было. Ходила постоянно лохматая, большими шагами, крупная была тетка. Больше всего мне запомнилось, что она, как поворачивалась к классу от доски, говорила: «А ну ложите руки на парты, шо вы ими махаете? Понарожали тут бездарей и оболтусов». И это говорил человек, который учил нас алфавиту. Надежда Анатольевна ее звали. Мы ее Безнадега Анатольевна называли, – поделился Жора нерадостными воспоминаниями о школе.

– А у меня учительница в младших классах отличная была. Лидия Ильинична. Я до десятого класса к ней ходил чай пить. У ее малышей уроки заканчивались, а у нас вторая смена была. Так многие наши пораньше приходили, чтобы возле нее посидеть, она нас всегда как родных встречала, всегда на нас время находила, хотя бы просто улыбнуться. Кстати, она мне любовь к математике привила, для меня цифры всегда понятными были, четкие, ясные. А формулы – это просто игры цифр, я всегда представлял, что цифры водят хороводы, прячутся, перепрыгивают друг через друга. Они у меня сами собой выстраивались в цепочку, и я видел ответ раньше, чем одноклассники высчитывали результат на калькуляторе, – расслабившись и глядя куда-то вдаль, с легкой улыбкой сказал Лев.

Жора смотрел на него с удивлением: он не ожидал, что этот человек-ремень способен на маломальские эмоции.

– А, я понял, нам всегда о вас как о гении в математике говорили. Наша школа начала вашу школу побеждать, когда вы уже отучились, – вспомнил Жора.

– Да, я помню эти олимпиады, мне всегда так смешно было, как другие напрягаются и считают в уме, – усмехнулся Лев. – А у вас тоже талантливый мальчик был, Герберг, помню, его фамилия была.

– Да, да, он у нас всегда на доске почета висел. В очках такой, худой и рыженький, – согласился Жора.

– Умный парень. Всегда такой эмоциональный, всегда сильно переживал, когда проигрывал, – одобрил бывшего соперника Лев.

– Умный был, а умер как дурак. В 9 классе с крыши 12-этажки возле школы спрыгнул, из-за неразделенной любви к Машке Луневой. Она его еще на год старше была. Кому что доказал, спрашивается? – с некоторым неприятием вспомнил Жора.

– Ну что ты так агрессивно? Просто молодость, – не желая расставаться с приятным воспоминанием о талантливом мальчишке, возразил Лев.

– Ничего себе молодость! О других бы подумал. Я мимо этого дома в школу всегда ходил, а потом пришлось несколько лет за два квартала обходить двенадцатиэтажку, чтоб не видеть разбрызганные по стене до третьего этажа его мозги, – скривился Жора.

– Наверное, на отмывку не нашли средств, подъемник нанять, – как всегда, с практической точки зрения оценил ситуацию Лев.

– Наверно, – согласился Жора. – Вообще я считаю, что должны делать специальные центры для самоубийц. Приходит самоубийца, пишет заявление с просьбой предоставить возможность покончить с собой. Заявление принимают, назначают исполнение через три дня, за это время с ним работают психологи разные, а если он не передумает, решит, что он все же выкидывай из человеческого общества, дают таблетку, и он тихо-мирнодохнет. Отправляется гореть в аду, не доставляя окружающим неудобств. Потом его хоронят за счет государства. И родственникам затрат меньше, и улицы и стены домов чище.

– А что, в нашем обществе, где культивируется свобода выбора, думаю, это неплохая идея для социальной программы. Под это даже государство может деньги выделить, ведь осуществляется попытка помочь личности. А что делать, если решит не кончать с собой, отлежится и домой пойдет, а деньги государства потрачены? – поинтересовался Лев, давая Жоре возможность закончить мысль.

– А после отправлять на несколько месяцев в реабилитационный центр, на легкий труд, варежки, например, вязать, чтоб отрабатывал долги перед государством, – быстро нашелся Жора.

– Слушай, ты почему не пошел работать в медицину? Мог бы сейчас министром здравоохранения стать! – усмехнулся Лев.

– Нет, я добрый, я бы не смог людей резать, мне нравилось всегда в железках ковыряться: спокойно и понятно. Поэтому и пошел после восьмого класса в железнодорожный техникум. Начал хорошо учиться, а потом неинтересно стало. Думал, реально не пригодятся знания, которые дают в профессии. Теперь-то понимаю, что учиться надо было, – посетовал Жора.

– Почти приехали, – раздался голос с места водителя. Гена сидел бесшумно всю дорогу, поэтому о нем почти забыли.

Жора и Лев, как по команде, посмотрели в окна. Машина ехала вдоль известных своих прудов бульвара.

– Ну а что! Район вполне приличный. Самый центр. Отравить не должны, – сделал вывод Лев Николаевич.

Машина остановилась возле пристройки к старинной, но еще добротной двухэтажке. Над пристройкой была раскинута, как шатер китайских императоров, зеленая крыша, выполненная в восточном стиле. Вход с двух сторон окружали драконы, над дверью переплетающиеся с целью то ли поцеловать, то ли загрызть друг друга.

– Прикольнo! – восхитился Жора.

– А что прикольного? – удивился Лев Николаевич.

– Пристройка к старому дому смотрится, как мини-юбка на старушке, – засмеялся Жора.

– Вот что значит дать взятку архитектору города! – глубокомысленно заметил Лев Николаевич, и оба направились вслед за Геной, уже открывшим дверь.

Но на пути возник грязный бомж, в пиджаке без рукавов поверх засаленной и порванной рубашки неопределенного цвета.

– Дай на опохмел, – прохрипел он, дыхнув перегаром и протягивая руку ко Льву.

Перед ним стеной вырос Гена. Бомж невольно испуганно отпрянул.

– Мужик, иди отсюда. Бог подаст, – не прикасаясь к бомжу, произнес телохранитель.

– Бухнуть мне надо, а то сдохну, – пояснил спазматическим голосом бомж, с тоской глядя на Льва.

– Ты и так сдохнешь, дело за временем, а я не собираюсь выступать спонсором порока, – равнодушно объяснил Царь и двинулся дальше, добавив, – кстати еще здороваться научись.

Жора в недоумении посмотрел на Льва и протянул бомжу мелкую банкноту. Тот с радостью схватил ее и, постанывая от предвкушения удовольствия, ринулся прочь, пока не отобрали.

Лев, услышав движение у себя за спиной, повернулся и увидел, как Жора отдает деньги алкашу.

– Мучается ведь человек, – объяснил Жора. – Деньги-то небольшие, не жалко на благое дело.

– На благое не жалко, – хмыкнул Царь, – но он ведь сейчас пойдет себя алкоголем убивать, за твой счет причем, значит, ты спонсор порока. Грех его на себя взял. Лучше бы ребенку на мороженое дал или бабушке на хлеб. Все бы так думали, и таких паразитов на теле общества меньше бы было.

Не дожидаясь ответа, Царь отвернулся от обескураженного Жоры и направился вверх по лестнице.

Глава 10. Истории жизни

У входа их встретил раскосый официант в ярких национальных одеждах, для неспециалиста неотличимых от китайских.

– Здравствуйте, уважаемые гости! Где желаете присесть – за столик или на топчан? – вежливо кланяясь, мягким говором, но совсем без акцента спросил официант.

То, что он видит перед собой двух совершенно одинаковых мужчин, его абсолютно не удивило: ведь никто не знал, что они не родственники, а близнецы ни в одной стране мира не являются редкостью.

– Топчаны, как я понимаю, вот это? – уточнил Лев Николаевич, показывая пальцем на подобие беседки с настилом из досок на высоте примерно 80 сантиметров и перилами с трех сторон.

Посередине беседки стояли маленькие столики с ножками сантиметров 50 от настила, чтобы есть, сидя за ними, нужно было сидеть по-турецки или полулежать на накиданных вокруг стола подушках. Пол из досок был застелен ярко расшитыми ватными одеяльцами. Над топчаном был прикреплен к потолку тканевый навес, ниспадающий до пола, функциональный на открытом воздухе, а здесь служащий частью интерьера.

– Совершенно верно, господин. Час на топчанах стоит 200 рублей, – предостерег официант.

– А за столиками, как я понимаю, бесплатно? – уточнил свои подозрения Лев Николаевич.

– Да, господин, – в очередной раз поклонился официант.

– Ну что же. Гулять – так гулять, – не улыбаясь, кивнул Лев Николаевич. – Думаю, надо снимать обувь?

– Да, конечно. Присаживайтесь, сейчас я принесу чаши с водой, чтобы вы могли омыть руки, и полотенца, – опять кланяясь, сделал широкий жест рукой в сторону топчана официант.

Лев Николаевич с сомнением смотрел на топчан, думая, как удобнее на него залезть. Жора оказался более расторопным и, скинув кроссовки, встал на колени и смешной походкой гнома засеменил по топчану.

Царь выбрал другой способ передвижения. Он, сев на топчан, снял обувь, после чего, отталкиваясь руками, спиной вперед, заполз на свое место.

Гена сел за ближайший столик, лицом к залу и входной двери. Телохранитель выглядел напряженным: он не привык, чтобы босс проводил время в общественных местах. Точнее, настолько общедоступных.

Официант положил перед двумя гостями открытое меню и попробовал уйти, но его остановил Лев Николаевич.

– Послушайте, мы не знакомы с вашей своеобразной кухней, помогите нам разобраться, что здесь с чем едят, – при этом Царь, наморщив лоб, вглядывался в меню, украшенное яркими фотографиями с изображением каждого блюда.

– Да, конечно, господин! Какого рода блюда вам хотелось бы покушать? Суп, горячее, мясо, рыба, острое, кисло-сладкое, овощи, фрукты? – скороговоркой произнес официант.

– Ну, наверное, сначала мы бы поели супчика, вашего фирменного, чтоб бульон, насыщенный был. А на второе мясо какое-нибудь можно. Сок свежавыжатый апельсиновый, салатов несколько на ваш выбор, зеленые нарезки из овощей обязательно добавьте. Вина полусладкого красного хорошего. Ну, и еще чего-нибудь, чем удивить сможете, – сделал заказ Лев Николаевич.

– Суп могу предложить вам жу-пян-зы, томатный суп на наваристом бульоне, с поджаренным мясом и овощами. А на второе мясо тябан, это говядина, жаренная с луком, подается

на горячей сковороде. Салаты мы вам сделаем с различными вкусами, чтобы они оттеняли друг друга. Полусладкое вино могу предложить «Тургеньское», это долина на юге Казахстана, на границе с Китаем, то есть по климату это тот же север Китая.

– Не кислое, главное? – поинтересовался Лев.

– Нет, господин, – поклонившись, ответил официант.

– Тогда я не против. Ты как, Жора? Пожелания или вопросы есть? – поинтересовался

Царь.

Жора смущенно зашевелился.

– Да, есть. А ты и правда уйгур? – задал, похоже, долго мучавший его вопрос Жора.

– Нет, господин. Я калмык, – сознался официант, явно давно привыкший к подобным вопросам. – Уйгуры больше на узбеков похожи.

– Аааа... – разочарованно протянул Жора. По-видимому, его представления о таинственном народе рухнули, не успев сформироваться.

– Разрешите идти? – спросил официант.

– Да, идите, – милостиво разрешил Царь и добавил: – Напитки принесите первым делом.

– Конечно, господин, – поклонился официант, пятясь от посетителей.

Лев Николаевич устроился удобнее, поправив подушку и посмотрел на Жору, который сидел в напряженной позе, держа за свои колени.

– Ну что, Жора, ты уже почувствовал себя падишахом? – вскинув брови и, как всегда, без улыбки пошутил Лев Николаевич.

– Нет еще. Выпить сначала нужно, – виновато глядя на Льва Ивановича, оправдался Жора.

– Вот сейчас и выпьем, – произнес Лев Николаевич, переводя взгляд на официанта, который, подойдя с подносом, поставил открытую бутылку с вином и стеклянный графин с соком на стол. Затем расставил стаканы и бокалы и вновь убежал в сторону кухни.

– Как я понял намек, наливать в бокалы он ничего не собирается? – саркастически хмыкнув, произнес Лев Николаевич.

– Я сейчас налью, Лев Николаевич, – заерзал на своем месте Жора, пытаясь переместить центр тяжести ближе к столу, что у него не особо получалось, поскольку сила притяжения стремилась положить его на лопатки.

– Здесь кафе, а не ресторан, Лев Николаевич, – напомнил Гена, успевший подойти к столику и наливавший в это время вино в бокалы. – В кафе принято самообслуживание.

– Думаю, ты прав. Элемент демократичности, зато в этом присутствует, – задумчиво кивая, согласился Царь и, поднимая бокал, произнес: – Ну, тогда давай за демократию.

– И за знакомство, – поддержал его тост Жора.

Лев Николаевич понюхал вино, посмотрел на его цвет через стеклянный фужер и осторожно попробовал на вкус. Жора большими глотками выпил бокал до дна, после чего недоуменно замер. Лев Николаевич смаковал вино, рассматривая потолок.

– Простенькое вино, легкое, но букет приятный, – констатировал Лев Николаевич, опуская взгляд на Жору, и поинтересовался: – Тебе как?

– Компот, – одним словом описал свои ощущения Жора.

– Похоже, ты не ценитель благородных напитков, – сделал вывод Лев Николаевич. – Ну ничего, ты просто не распробовал, вино это – легкий напиток, дающий приятную бодрость и эйфорию.

– Может быть, – неуверенно сказал Жора, наполняя вином свой бокал и доливая вина Льву Николаевичу.

– А ты, Жора, расскажи о себе. О своей жизни. В школе я понял, в какой ты учился, а потом что было? – поинтересовался Лев, неспешно потягивая вино.

– А потом, как у всех, техникум железнодорожный, потом армия, потом вернулся к девушке, которая меня с армии дождалась, родители в поселке жить остались, в город не захотели перебираться, да и что бы они здесь делали? Устроился на работу в депо, где до сих пор работаю. Через три года женился, жена младше меня, доучиться хотела. Потом сына мне родила, Даниилом назвали, сейчас ему тринадцать лет. В общем, ничего интересного, – в нескольких словах рассказал свой жизненный путь Жора.

– Ну, что-то ты недоговариваешь, – расслабленно полулежа на подушках, попивал вино Лев Николаевич. – Ты рассказываешь, как женился, а почему сейчас ты один живешь, еще и в общежитии?

Жора поменялся в лице, плотно сжал губы и побелел. Потом резко взял бокал и залпом выпил вино, абсолютно без эмоций.

– Это, Лев Николаевич, очень сложная история. Жену я до сих пор очень люблю, но простить не могу. Долгая это история и неинтересная. Без пол-литра не разберешься, как говорится, – со вздохом констатировал он.

Подошел официант и поставил причудливые, но аппетитно выглядящие салаты и корзину с хлебным ассорти.

– Принесите нам водки, самой хорошей, которая здесь есть, – распорядился Лев Николаевич, глядя, как Жора разливает остатки вина по бокалам.

Официант расторопно принес замороженную бутылку водки и рюмки. После чего сам налил в них тянущуюся жидкость: похоже, он уже вычислил состоятельных клиентов и старлся заработать чаевые.

– Одной хватит, – попытался остановить официанта Лев, но моментально запотевшие стопки были уже наполнены, и официант удалился.

– Как же хватит, Лев Николаевич? Я один пить не буду, я же не алкоголик! – с ноткой обиды в голосе произнес Жора, уже поставивший рюмку поближе к себе.

– Так мы уже вино пили, нельзя смешивать, – попытался возразить на такое заявление Лев.

– По возрастанию градуса можно. Вино только смазало внутренности, там и градуса почти не было, – не сдавался Жора.

– А знаешь ли ты, Жора, что я водку последний раз на первом курсе института пил? Потом знаешь, как плохо было! – поделился Лев воспоминаниями о молодости.

– Ну, вы, наверное, много выпили? А тут со мной пару рюмочек для компании, – осмелев, начал уговаривать его Жора.

– Да, правда, выпили мы много, – согласился Лев, после чего, решившись, сказал, поднимая рюмку: – Ну а что, менять жизнь – так менять, давай выпьем.

Такие похожие внешне и такие разные внутри стукнули рюмкой о рюмку, по древней традиции, полученной в наследство от викингов, сталкивавших свои кубки до брызг, так, чтобы вина смешивались, этим показывая, что ни один не отравил вино собутельника. Водка полилась по организму, приятно охлаждая внутренности.

– Хорошо пошла, – крякнув от удовольствия, сказал Жора, не закусывая.

– Да, неплохо, – согласился Лев, запивая водку соком, и добавил: – Так, теперь рассказывай, что с женой произошло.

Жорик немного посерел лицом.

– Сложно это мне, собраться надо, – сказал Жора, налил себе рюмку и выпил один.

После чего налил водку уже в обе рюмки.

– Да всякое в жизни бывает, – с пониманием сказал Лев. – Давай выпьем, чтобы все же встречались верные и любящие женщины.

Они выпили еще по рюмке. Лев решил сменить тему разговора.

– Кстати, вообще ты знаешь, что алкоголь – это естественный фермент в организме человека? Он служит для расслабления мышц, без него человек не может расслабиться и заснуть, например. Этим и опасно его потребление. Организм привыкает к получению этого фермента извне и уменьшает его выработку, и человек начинает нуждаться в выпивке, чтоб расслабиться. Причем организм постоянно требует повышения дозы, и если регулярно выпивать, даже в малых дозах, то алкоголь перестает вырабатываться естественным путем и человек становится алкоголиком.

– Ну, под такие слова следующая рюмка точно не пойдет. И как не стать алкоголиком? – погрузнев, поинтересовался Жора.

– Медики изучили эту проблему и пришли к выводу, что выработка алкоголя полностью восстанавливается за десять дней воздержания. То есть пить понемножку и часто вреднее, чем напиться и десять дней минимум не пить.

– Даже пиво нельзя часто? – наливая водку в рюмки, поинтересовался Жора.

– Пивной алкоголизм особенно опасен, – резко заявил Лев Николаевич, – потому что он подкрадывается незаметно. А пиво особенно опасно для мужского организма: притормаживается выработка тестостерона, мужского полового гормона, и увеличивается выработка женских половых гормонов.

– А пиво приятно пить, – задумчиво сказал Жора и добавил: – Ну, давайте выпьем за здоровый образ жизни.

И они, звонко чокнувшись, выпили и закусили салатами с приятным, но непривычным запахом восточных специй и зеленого болгарского перца.

Подошел официант и поставил перед ними тарелки с супом. Суп был очень густой, наваристый, в нем плавали крупные кусочки помидоров и мелкие – поджаренного мяса. Также виднелись лук и зелень, часть которой, судя по запаху, была кинзой. А помешав суп, можно было увидеть маленькие лепешки теста, примерно два на два сантиметра.

– Выглядит аппетитно – констатировал Лев Николаевич и остановил свой взгляд на Жоре, попробовавшем суп и замершем, прислушиваясь к своим ощущениям.

– Очень вкусно, – довольно сообщил Жора и начал интенсивно поглощать суп.

Лев Николаевич тоже осторожно попробовал. Наваристый говяжий бульон был насыщен томатами и приятным запахом дополнительно поджаренного мяса.

– Хочу поблагодарить вас, Лев Николаевич, что вы мне открыли такую потрясающую кухню, – сказал Жора, поднимая рюмку.

– Это надо Гену благодарить, это он нас сюда привел, – Лев сделал жест рукой в сторону одиноко сидящего перед чашкой кофе телохранителя и выпил.

Лев чувствовал себя удивительно легко и свободно. Давно он не чувствовал себя таким отдохнувшим и расслабившимся. Может быть, еще ощущалась легкость оттого, что завтра начинается отпуск, не надо беспокоиться о работе, в доме у пляжа удивительного лазурного моря его ждет потрясающе красивая девушка с голубыми, как небо, глазами.

Лев только теперь заметил, что телохранитель не участвует в их празднике жизни и сидит за пустым столом. Льву стало от этого как-то не по себе, он никогда не задумывался, что у обслуживающего персонала тоже есть свои физиологические потребности.

– Гена, ты почему не ужинаешь? – поинтересовался у него босс.

– Не хочу, спасибо, Лев Николаевич, – ответил, не глядя на него, телохранитель и как-то нервно стал размешивать кофе.

– Ничего не знаю, ты сверхурочно работаешь, так что тоже отдохнуть будешь, – заявил Лев – со стороны уже были слышны пьяные нотки в его голосе – и, обращаясь к стоящему в стороне официанту, сделал заказ: – Принесите ему то же, что и нам.

Официант безмолвно поклонился и удалился на кухню.

– За ваше великодушие, – произнес тост Жора.

– Нет, давай за дружбу, – сделал неожиданное даже для себя заявление Лев.

– О, спасибо. Мне очень приятно быть другом такого уважаемого человека, как вы, – широко заулыбался Жора, и они выпили.

Доев суп, Лев довольно откинулся на поручни ограждения топчана.

– Теперь можешь рассказывать то, в чем без полулитра не разберешься, – напомнил прерванный разговор о личной жизни Лев.

Жора посерьезнел и собрался. Молча налил рюмки и безмолвно протянул свою Льву Николаевичу. Тот понял его жест и взял свою рюмку, стукнул ею о протянутую, а потом они молча выпили. Лев Николаевич был приятно удивлен, что водка поднимает настроение, но не пьянит.

Гена с аппетитом доедал суп. Все-таки хорошо, что несколько нарушили субординацию, но накормили человека, а то бы сидел голодный и пил свой кофе. Гена, видно, сильно хотел есть, поскольку ему по должностной инструкции рекомендовалось не употреблять пищу в рабочее время. Когда-то давно начальник охранного агентства, которое предоставило телохранителя Гену, сказал так: «Сторожевой пес должен быть голодным, только тогда от него есть толк». Но Гена, хотя и с жадностью ел суп и салаты, не опускал взгляда в еду, контролируя ситуацию в зале.

Жора прокашлялся, прочищая горло, как перед выступлением на ответственном собрании, после чего, поставив руки на стол и сцепив пальцы, начал рассказывать, глядя в стол.

– Я жену очень любил. Я у нее первый был. Она меня с армии ждала, дождалась, никто из друзей ничего плохого не мог сказать. С характером, конечно, своенравная. Хотя, наверно, и любил я ее за своенравность. Хозяйка неплохая, еще и работать успевала. Причем я ей говорил, чтоб дома сидела, семьей занималась, но она пошла работать по специальности, бухгалтером, говорила, что не сможет дома сидеть. Хорошо жили, ссорились, потом мирились и еще больше друг друга любили, а где-то с год назад стал замечать, что она одеваться начала модно, краситься ярко, смеяться громко. Я старался не придавать значения, а потом заметил, что мужчины ей внимание больше уделяют и нравится ей это. Я работаю, стараюсь деньги копить сыну на институт и чтоб могли еще детей завести. А она хвостом крутить начала. Ну, она, конечно, красивая, не старая, она моложе меня, ей 35 в этом году исполнилось. Я любил ее, не хотел недоверия показывать, в себе держал. Обиду не проявлял, наоборот, в себе замкнулся. А месяца через три все прояснилось. Поехал с сыном к родителям, думал – с ночевкой останусь, но вспомнил, что обещал на работу выйти, внеплановый техосмотр должен был быть. Приехал от родителей вечером, подхожу к двери квартиры, дверь не закрыта на ключ. Открываю, прохожу на кухню, а жена там с бугаем каким-то целуется.

Бугай ее раздел почти. Она, как меня увидела, кричать начала, что он ее насилует. А меня обида душила, я даже говорить не мог. Стою и смотрю на них, а он мне стал рассказывать. Говорит, что они давно любовники, что моя жена сама к нему клеиться начала, что и он ее любит, и чтоб я не обижался, так получилось, – посетовал Жора.

Было видно, что у него повлажнели глаза; чтоб скрыть это, он не отрывал взгляда от стола. Жора, сдерживаясь, налил себе рюмку. От волнения у него дрожали руки. Он выпил и зажмурился; от этого из глаз брызнули слезы. Жора поставил рюмку и закрыл глаза руками. Посидев так минуту, он вытер глаза рукавом и глубоко выдохнул.

– Простите за эмоции. Я просто очень верил в свою семью, – оправдываясь, сказал он.

Лев Николаевич сидел под впечатлением. Он видел, сколько чувств и боли у Жоры вызывают воспоминания об утраченной любви.

– Вот бабы стервы. Я, помню, тоже в институте влюбился, ухаживал, по пятам ходил, стихи читал, пылинки пытался сдувать, а она взяла и замуж за мажора бездарного вышла, и, оказывается, подружкам рассказывала, какой я дурак-романтик, – произнося эти слова, Лев Николаевич наливал водку в рюмки. Бутылка неожиданно закончилась. Лев показал пустую

бутылку официанту, и тот безмолвно кивнул, удаляясь в сторону бара, а Царь добавил: – Я сначала все силы бросил на карьеру и бизнес, чтобы состоятельным стать, а теперь понимаю, что меня только ради денег любят. Вот и покупаю себе дорогих кукол, которые считают, что я очень возбуждаюсь, когда они меня «папочкой» называют.

Выпили, молча, без тоста: понимание между ними уже перешло на молекулярный уровень. Наверняка влияло то, что в молекулах был одинаковый уровень спиртного. После каждый погрузился в свои мысли: оба прожили немало на белом свете, и у обоих было, о чем подумать.

Официант беззвучно появился возле столика с еще одной запотевшей бутылкой и налил водку в одиноко стоящие и уже заскучавшие на столе рюмки. Потом принес чугунные сковородки, сделанные в форме каких-то причудливых животных. Когда официант открыл крышки, на сковородах весело зашипело масло, распространяя приятный аромат жареного мяса и пикантных специй. Мясо было мелко и тонко порезано. Лев Николаевич подумал, что так тонко можно было порезать только замороженное мясо.

– Не грусти, Жора. Все, что не убивает, делает нас сильнее, – решив ободрить нового друга, повторил бизнесмен высказывание известного немецкого философа. Затем, подумав, спросил: – А ты говоришь «любил жену», то есть сейчас не любишь?

Раскрасневшееся лицо Жоры стало серым. Он плотно сжал губы.

– Знаете, Лев Николаевич, от любви до ненависти один шаг. Как можно любить недостойную, гуляющую женщину? Тем более, что она с этим бугаем живет уже, сын прибегает, жалуется, что тот свои порядки устанавливает дома, – было видно, что Жоре каждое слово раздирало горло и давалось очень тяжело.

– Ну ничего, ты еще молодой, сможешь начать новую жизнь, – попробовал его успокоить Лев Николаевич.

– Да что вы, Лев Николаевич, как теперь верить женщинам? – посетовал Жора.

– Вообще тоже верно, – задумчиво произнес Лев; ему стало тяжело на душе и жалко Жору и почему-то себя. – А что ты меня все время по имени-отчеству называешь? Давай на «ты» перейдем, а то у меня такое ощущение, что я с зеркалом на «вы» разговариваю.

– Да как-то неудобно, кто вы и, кто я!? – неуверенно сказал Жора.

– Никаких «нет» я не принимаю, – пьяным голосом вскричал Лев. Гена подозрительно покосился на него, он еще не видел босса пьяным: – Давай пить на брудершафт!

Жора, спасовав перед его настойчивостью, выпил с ним на брудершафт, не закусывая. Не закусил и Лев Николаевич.

– Надеюсь, целоваться не будем? – пошутил Жора, после того как огонь, обжегший горлань, погас.

– И не надейся, – помахав пальцем, ответил Лев. – А вообще ты хороший мужик, Жора, я тебя уважаю. И с работой тебе повезло. Давай за работу выпьем.

– Давайте лучше... То есть давай лучше за уважение, – откорректировал тост Жора, разливая по рюмкам.

– Хорошо, давай сначала за работу, а потом сразу за уважение, – пойдя на компромисс, добился, как всегда, поставленной цели Царь.

Выпив, Жора начал есть жареное мясо, а Лев Николаевич сидел, глядя на свою рюмку.

– Лев Николаевич, ты бы покушал, – заботливо предложил Жора.

Лев нехотя начал ковыряться в сковороде. У него была нетронута еще большая часть порции.

– Давай за работу твою выпьем, хорошая у тебя работа, добрая. Пользу людям приносит. – Лев поднял рюмку, незамедлительно наполняемую Жорой по мере ее опустошения. Мысли у него в голове непривычно путались, но он чувствовал себя очень сильным, счастливым и радостным. Радость наполняла его легкие и хотела вырваться со сдерживаемым криком.

– За работу пили уже, давай за уважение, – напомнил Жора.

– А давай. Я тебя уважаю. И знаешь, что я тебе скажу: ты счастливее, чем я. Ты хоть и потерял любовь, но ты любил, а я ведь не любил никогда ничего, кроме работы. Как говорится, лучше любить и потерять, чем не любить, – произнес глубокомысленный тост Лев.

– А еще лучше любить и не терять, – задумчиво произнес Жора, и они выпили.

После паузы Лев еще съел несколько кусочков мяса и в упор посмотрел на Жору.

– А вообще ты слабак, – резко заявил Царь, отчего Жора даже выронил вилку.

– Почему вы так считаете, Лев Николаевич? – с недоумением спросил он, от неожиданности перейдя опять на «вы».

– Я тебе не Лев Николаевич, а Лева, меня так мама называла, тебя, наверно, тоже, раз ты на меня похож, – сделал, на его пьяный взгляд, логичный вывод Лев Николаевич и добавил: – За свою любовь надо бороться.

Жора молчал, ему нечего было на это сказать.

– Лев Николаевич, вам завтра рано вставать, чтоб на самолет успеть, – тактично намекнул Гена, приблизившись к нему со спины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.